

Амир Гаджи

**ТАЙНЫЕ
СВИДЕТЕЛИ АЗИЗЫ**

КНИГА ВТОРАЯ

Международный фестиваль Бориса и Глеба

Амир Гаджи

**Тайные свидетели
Азизы. Книга 2. Адель**

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Гаджи А.

Тайные свидетели Азизы. Книга 2. Адель / А. Гаджи — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Международный фестиваль Бориса и Глеба)

ISBN 978-5-907306-44-8

В этой книге каждый читатель сможет найти свой ключ к пониманию закономерности потока событий, в том числе и его собственной жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907306-44-8

© Гаджи А., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

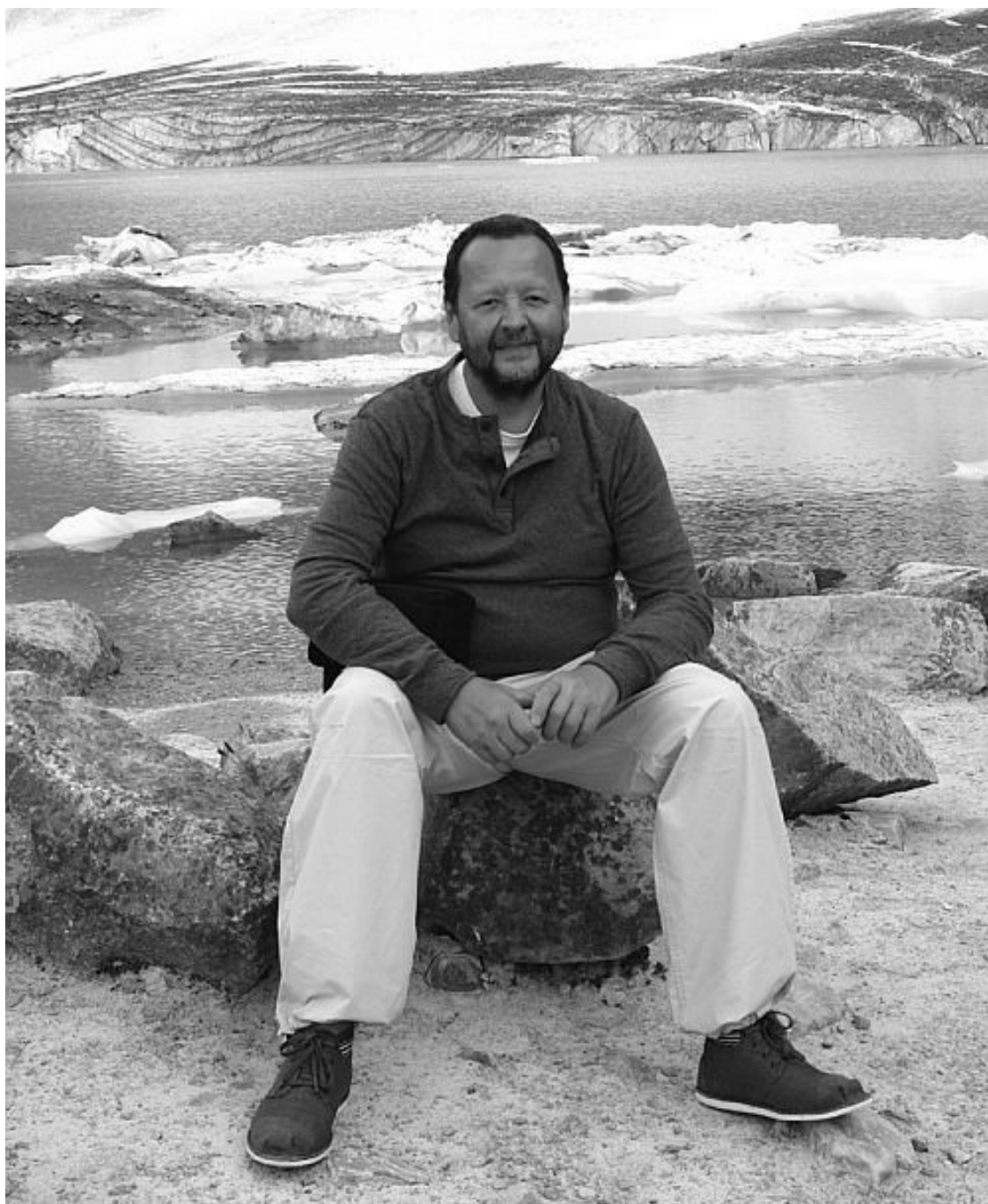
Содержание

Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	22
Глава 3	28
Глава 4	32
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Амир Гаджи
Тайные свидетели Азизы
Книга 2
Адель
autem gloria – conaturae
(во славу женщины – венца природы)

*Посвящается Газизе Магисовне моей любимой женщине,
заботливой жене, преданному другу и мудрому учителю*

*Мелхиседек, Царь Салима, священник Бога Всевышнего, – тот,
который встретил Авраама и благословил его. Которому десятину
отделил Авраам от всего. Он Царь мира, без отца, без матери, без
родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь
Сыну Божию, пребывает священником навсегда.
Апостол Павел*

Анатолий Бариевич Мухамеджанов родился в 1949 году в Алма-Ате. После получения высшего юридического образования в Омске служил в уголовном розыске. Работал в комсомоле и различных государственных органах Казахстана. Ходил первым помощником капитана на судах заграничного плавания (порт приписки – Владивосток). Жил и работал в Китае. Со времён перестройки и до пенсии – частный предприниматель. Более тридцати лет изучал различные эзотерические техники. Практиковал с шаманами Западной Сибири, Тывы, Бурятии, Непала, Мексики, Гавайских островов, Аляски и Седоны (США), Перу, Боливии, Рапануи (остров Пасхи). Посетил около ста стран мира и Антарктику. В 2018 году стал лауреатом литературной премии имени святых Бориса и Глеба и награждён медалью «За оригинальное мышление и духовное воспитание современного русского народа». В 2019 году – лауреат международного конкурса «Новый сказ» памяти П. П. Бажова. В настоящее время живёт в Монреале (Канада).

Пролог Мелхиседек

По иудейской традиции на праздник Песах – день памяти об исходе евреев из Египта, одному из приговорённых преступников даруется жизнь. В тот день был выбор между проповедником Иешуа из Назарета и вором и убийцей Вараввой. Толпа, буйствующая за стенами иерусалимского дворца царя Ирода, превращённого в резиденцию римских прокураторов, отдала свой голос в пользу Вараввы. Среди этого необузданного скопища, жаждущего немедленного распятия Иешуа, поведение трёх человек «с глазами санпаку» отличалось от остальных. Их рты орали те же проклятия самозванцу, что и другие рты. Их руки, сжатые в кулаки, как и кулаки любого из толпы, были готовы в любую минуту размозжить лжепророку голову. При этом взгляд этой тройцы меченых не выражал ни гнева, ни сострадания. Они следили за каменным лицом Наблюдателя, ожидая его приказа. Несмотря на горячую атмосферу события, стоящий в стороне Наблюдатель оставался беспристрастно-холодным, а его внимательные «санпаку» сканировали лица людей, определяя их намерения. Наблюдатель знал, что «зажечь» народ, превратившийся в толпу, легко и управлять ею нетрудно. Он держал ситуацию под контролем и в любую минуту мог направить энергию этой, на первый взгляд, неуправляемой массы в нужное русло. В то же самое время во дворце иудейские вожди ждали от Понтия Пилата ответ на свой вопрос: утверждает ли он – римский прокуратор Иудеи – решение Синедриона о смертной казни преступника и самозванца Иешуа из Назарета. Стражник передал записку для прокуратора от его жены Клавдии Прокулы: «Не делай ничего Праведнику тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него». Для Понтия Пилата мнение Клавдии было решающим, он так бы и поступил, но, к сожалению, было поздно, решение уже принято.

В пятницу утром отвергнутый народом Палестины и приговорённый иудеями к смерти иври Иешуа из Назарета начал свой крестный ход от башни Антония в центре старого города до Лобного места с еврейским названием Голгофа, что находится за стенами Иерусалима на северо-западе. Здесь казнят опасных преступников, всенародно распиная их на кресте. В это же самое время в скромной кошерной мисаде, приютившейся напротив Судных Врат, на пересечении базарной улицы Сукхан эз Зайн и дороги, по которой водят приговорённых на казнь, неприметный горожанин в поношенном традиционном халате и вязаной кипе на голове получил свой обеденный заказ. Это были: запечённый карп (гефилтэ фиш) с гарниром из жареной моркови с черносливом (цимес), выпечка, сдобренная мёдом (тэйгэлэх), и свежесжатый гранатовый сок в простой керамической кружке. Посетитель ел не спеша и с удовольствием. Закончив трапезу и расплатившись с хозяином, уверенной походкой он вышел на улицу. Навстречу ему приближалась шумная процессия, сопровождающая осуждённого преступника. Вместе с возбуждённым народом шагал Наблюдатель, стараясь оставаться неприметным. Он увидел выходящего из харчевни человека ещё издали. Наблюдатель узнал его, хотя и видел впервые. Это был Мелки-Цедек, или, как его называют в миру, Мелхиседек.

У Наблюдателя было задание не допустить его встречи с Иешуа. Но Мелхиседеку удалось протиснуться в толпе между Наблюдателем и приговорённым. Избитого, окровавленного, с терновым венком на голове, преступника Иешуа, несущего огромный деревянный крест, охраняло каре римских легионеров. Если бы не они, этот улюлюкающий, плюющий, горланящий проклятья и в бессильной злобе потрясающий кулаками обезумевший сброд человекоживотных в праведном гневном разрыве бы самозванца на куски. Этот народ, сейчас объединённый первородным рептильным инстинктом, жаждал крови несчастного Иешуа, приговорённого к смерти за присвоенный себе статус пророка и вольнодумные речи о милосердии и всеоб-

щем человеколюбии. Но Рим не допустит власти толпы. Рим чтит закон, согласно которому этот человек будет публично распят на кресте в назидание другим. Он будет висеть на кресте несколько дней, а потом о нём все забудут навсегда. Сгорбленный под тяжестью собственноручно изготовленного креста, преступник неожиданно споткнулся и упал. Под одобрительные возгласы толпы Иешуа медленно встал и поднял на Мелхиседека залитое кровью и потом лицо. В его глазах читались скорбь и отчаяние, а сердце кричало о сокровенном. «Именно такой его страдальческий образ сохраняют люди в своей памяти навечно», – подумал Мелхиседек. Их взгляды встретились лишь на одно мгновение, и этого бесконечно долгого времени было достаточно, чтобы передать Иешуа уверенность в правильности его поступков. Внешне казалось, что Мелхиседек остался равнодушным к безмолвным мольбам Иешуа, ибо каждый должен достойно нести свой крест, и потому, не глядя в лицо приговорённому к смерти, он пошёл вслед за ним, смешавшись с неистовствующей толпой. Наблюдателю не понравился их перегляд, и надо было что-то предпринять. В это время процессия сделала остановку. Сегодня для Иешуа это была уже девятая остановка. Пользуясь случаем, Наблюдатель негромко сказал: «Раздеть его. Преступник должен быть голым». Трое меченых громко поддержали эту идею. Толпа, словно ожидавшая сигнала, немедленно разразилась: «Голым, голым, голым! Преступник должен быть голым!» Не дожидаясь особого приглашения, добровольцы скопом набросились на Иешуа, сорвали последние одежды и брезгливо швырнули их в подворотню. Вид голого иври-лжепророка вызвал у экзальтированной толпы неопикуемый восторг, граничащий с экстазом. Сотнеголовая толпа куражилась над несчастным, гогоча, приплясывая и тыкая в него пальцами, поэтому никто не заметил, как Мелхиседек бережно поднял окровавленные лохмотья, спрятал их за полами своего халата и скрылся в первом же переулке. Это увидел Наблюдатель, который последовал за ним. Он шёл за Мелхиседеком вплоть до Силоама в Восточном Иерусалиме, к югу от Старого города со стороны Кедрона, но упустил его из виду на Великой лестнице, ведущей к Храму, недалеко от Силоамского источника. Наблюдателю мешали многочисленные прокажённые, совершающие очищение в купели после выздоровления. Обычно здесь такая толкучка бывает лишь в еврейский праздник Суккот. Наблюдатель пробежал все шестьсот метров этой ступенчатой улицы и обследовал несколько близлежащих переулков, прежде чем понял, что сегодня ему предстоит неприятный разговор с теми, кто послал его следить за этим человеком.

Мелхиседек не думал о слежке за собой, он спешил уединиться. Уже в три часа пополудни он сидел, закрывшись в номере дешёвой гостиницы. За окном накрапывал дождь – символ соединения Земли и Неба. Мелхиседек внимательно рассматривал одежды Христа. Наконец он нащупал то, что искал. Мелхиседек осторожно достал зашивку за подкладку перламутровую пластинку. Он знал о её существовании. Он знал, что это такое, и, разумеется, знал, что она значила для Иисуса Христа. В эти самые минуты распятый на кресте спаситель человечества знал о том, что эту пластинку нашли. Сердце его наполнилось счастьем выполненного долга, потому что он знал, в чьих руках она сейчас находится. Мелхиседек держал в руках перламутровую панагию. На ней рельефной резьбой был создан искусным эмальером образ мудреца, сидящего на ступенях лестницы Иакова¹, извивающейся, уходящей высоко вверх. Мудрец держит в руках Мать-Книгу всезнаний. У него в ногах сидит ангел – восхищённый ученик. Маленькая панагия размером пять сантиметров в длину и три сантиметра в ширину обладала огромной созидательной силой. Это был ключ к памяти предков и квинтэссенция собственных перерождений. Тысячелетиями передаваемая от одного избранника Бога к другому, панагия наполняла их силой духа и мудростью, чтобы пророк человечества до конца исполнил своё божественное предназначение.

¹ Лестница Иакова (Ветхий Завет, быт. 28) – Бог не отвергает нас от Себя после нашего грехопадения. Лестница является символом, соединяя нас с Богом.

В это же самое время Наблюдатель стоял у неприметной двери в высоком заборе, заросшем кустами разноцветной лантаны навечно безлюдной тупиковой улицы холма Ир Давид. Над дверью хамса – защитный амулет в форме ладони, какие есть в каждом доме. Мало кто бывал за этой дверью, и никто не знает, кому принадлежит этот дом, скрытый от посторонних глаз вековыми платанами. В небольшой нише в заборе, справа от двери, был выставлен старинный бронзовый канделябр в виде перевернутой пентаграммы с пятью зажжёнными свечами – тайный сигнал Наблюдателю, что его здесь ждут. На двери латунный кнокер в виде отвратительной химеры, вызывающей ужас и панический озноб. Это был крылатый дракон с косматой головой овцебыка, непропорционально большим носом и толстыми губами дромадера. Его живот имел короткую шерсть, а спина была покрыта ромбической рыбной чешуёй, превращённой в колючку. Две лапы, напоминающие человеческие ладони, имели по пять четырёхфаланговых пальцев без ногтей. Длинный чешуйчатый хвост заканчивался моржовым пенисом с огромным чёрным когтем на конце. В своих лапах это латунное чудовище держало большую рыбу с головой собаки. Через полторы тысячи лет этот кнокер – символ нечисти – сорвётся с места и, переходя из рук в руки, начнёт свой разрушительный поход по городам и странам планеты, ломая души людей, неся им вирус сомнения, страха, раздора и ненависти к ближнему до тех пор, пока не остепенится, найдя приют на стенде Метрополитен-музея в Нью-Йорке – столице мира. А сейчас Наблюдатель дрожащей от страха рукой трижды ударил кованым когтем пениса по металлической подложке. Через минуту дверь открыл угрюмый слуга в сопровождении двух чёрных как смоль псов древней африканской породы басенджи. Хозяин дома не любил болтунов, поэтому держал породу собак, не умеющих лаять, и глухонемого слугу, который, наверное, уже лет сто без слов понимает, чего от него ждут. Все трое знали Наблюдателя в лицо, поэтому сразу проводили его в ажурную беседку на берегу небольшого искусственного пруда в глубине роскошного ухоженного сада. Слуга указал Наблюдателю на пуфик перед ширмой из эбенового дерева, отделанного великолепным китайским шёлком. Он сел лицом к ширме, по обе стороны которой, не сводя с него злобещих глаз, заняли место готовые к атаке басенджи. Ширма не столько скрывала лицо хозяина от посетителя, сколько подчёркивала разницу между ними. Вы разговариваете не с человеком, но с ширмой или с собаками, если вас это больше устраивает. Через несколько минут Наблюдатель услышал, как по другую сторону ширмы пришёл человек. Вернее, Наблюдатель понял, что за ширмой кто-то или что-то появилось. Выдержав паузу, Наблюдатель подробно рассказал о событиях последних дней, происходящих вокруг Иешуа из Назарета. Но, вероятно, его доклад не произвёл должного впечатления на то, что находилось за ширмой, потому что в течение рассказа это бесполое нечто не проронило ни слова. У Наблюдателя сложилось впечатление, что оно всё уже знало и без него. Даже знало больше, чем сейчас услышало. Поэтому Наблюдатель умолк на полуфразе. Ширма тоже молчала. Молчание длилось долго и даже стало тягостным. Вдруг ширма ровно и медленно заговорила. Именно ширма, потому что этот сильный бесцветный звук мало походил на человеческий голос. Он шёл не из гортани смертного, рождённого женщиной, а аспидом выползал из глубокого колодца преисподней и, цепляясь за острые выступы каменной кладки, создавал небольшое эхо. У Наблюдателя от страха язык прилип к нёбу.

– Нельзя допустить, чтобы Мелхиседек вновь вручил панагию человеку.

В ответ Наблюдатель молчал. Он физически не мог говорить, у него просто-напросто не открывался рот. Но в его словах не было необходимости. Ширма легко читала все его мысли.

– Очень скоро власти предержавшие познают свойства и силу толпы и, уверовав в свою безнаказанность, будут в своих меркантильных интересах беззастенчиво манипулировать безмозглой массой, направляя её на смертоубийство. Человек как личность исчезнет, и человечество уничтожит само себя. На Земле воцарится мир и гармония.

Ширма на минуту умолкла. Наверное, она сама осмысливала то, что сейчас наговорила Наблюдателю и двум несчастным собакам. Сейчас Наблюдателю было трудно представить себе

будущую картину мира, которую живописала ширма, но не верить ей он не мог только потому, что то, что находится за ширмой, на самом деле управляет этим миром. Наблюдатель на секунду усомнился в правоте услышанного сейчас прогноза – уж слишком он был невероятен. Из ступора размышлений его вернул сиплый голос:

– В головах и сердцах мужчин и женщин главными словами останутся «Я», «мне», «мой», «моё», «меня». Человек будет одержим только самим собой и перестанет замечать находящиеся рядом. Мы расторгнем единение людей с Богом, и из всех природных ощущений, присутствующих человеку, останется единственное чувство – чувство полного одиночества... – Ширма сделала короткую паузу, давая Наблюдателю возможность глубже осознать только что услышанное. – Человечество, уверовав в то, что Бог создал человека, а не наоборот, не способно к преображению. Люди до сих пор цепляются за земную жизнь, не понимая, что это и есть главный источник всех их зол. Они убеждены в наличии двух противоположностей: «Добро» и «Зло». Эти люди не в состоянии осознать, что за пределами этого мира, где «Добро» и «Зло» перестают существовать, и наступает настоящее блаженство. Таких тупиц надо физически уничтожить, и в этом есть высшая справедливость. Человек в теперешнем его виде не созрел для претворения в жизнь высоких замыслов Создателя. Нам надо закрыть очередной цикл – очистить эту планету от такой скверны, как люди. Искалеченная земная природа постепенно восстановит свой естественный баланс, и Земля снова станет раем для всего живого, какой она была до появления здесь человека. Повторяю, нельзя допустить, чтобы панагия попала в руки людям. Иначе они снова начнут пытаться преобразовать это негодное человечество. Человечество физически должно быть уничтожено. Тебя зовут Тонинадер. Запомни: Тонинадер. Смотри, Тонинадер, и наслаждайся лилой – игрой Судьбы, торжеством всех пороков. Пришло время, когда всё выворачивается наизнанку и картины разложения этого человечества из зазеркалья выходят наружу. Пришло время, когда блистательный Люцифер становится для людей Богом.

После этих слов из-за ширмы раздалась какофония – дикая, невыносимая смесь звуков: железа по стеклу, плача капризного ребёнка, шипения змеи и воя собаки. От этого противоречивого звука Тонинадера стошнило. Он мгновенно вспотел, и его тело покрылось гусиной кожей. Неожиданно для себя Тонинадер опорожнился. Вокруг него образовалось облако неоднородного месива запахов рвоты, пота и человеческих фекалий. Почувствовав исходящий от Тонинадера адский запах, ширма рассмеялась с новой силой. Эта дьявольская какофония был смех, который продолжался, к счастью, недолго. Потом всё стихло. Перед Наблюдателем предстал глухонемой слуга, делая знак рукой «следуй на выход». Басенджи зарычали, давая понять, что аудиенция закончена.

Мелхиседек подошёл к пещере ровно в полночь. Сквозь щель увидел, что тело Иисуса светится. Это было едва заметное мерцание, словно тело было покрыто тонким слоем флуоресцентной краски матово-белого цвета. Мелхиседек сел неподалёку от входа в пещеру в удобную позу лотоса и приготовился проводить Иисуса Христа в самый важный путь его жизни – к самому себе. Он был единственный, кто наблюдал за свечением, которое постепенно меняло свой цвет. Вначале оно было бледно-розовым и буквально на глазах изменилось до красного. Затем свечение стало оранжевым, как заходящее солнце в долине Нила, а через несколько минут приняло цвет шаронского лимона. При каждой смене цвета возрастала яркость свечения. Вот оно стало зелёным, потом голубым и синим. Наконец, всё тело Иисуса засверкало фиолетовым цветом чистого аметиста. Помимо смены цвета тело ещё и уменьшалось в размерах. Мелхиседек не впервые наблюдал подобное, но всякий раз был заворожён этим зрелищем. В этот момент тело Иисуса засветилось семицветной радугой. Примерно через час радуга, изгибаясь синусоидой, начала подниматься над плащаницей. В своей амплитуде краски радуги переплетались, скручиваясь в спираль. Их спектр при слиянии давал белый цвет. Радуга над телом начала вращаться вокруг своей оси, постепенно увеличивая скорость вращения.

Этот вращающийся энергетический смерч – семицветная энергия Иисуса Христа – поднялся на двухметровую высоту и, пройдя сквозь каменный свод пещеры, превратился в ослепительно-белый столб, вокруг которого начало вращение одновременно в трёх направлениях огромное восемнадцатиметровое энергетическое поле сакральной Меркабы Иисуса Христа. Для Мелхиседека исчезли очертания Иерусалима. Земля вокруг города до самого горизонта слилась с ночным небом в нечто единое. Мелхиседек, чувствуя себя в безвоздушном пространстве, наблюдал на фоне звёздной бескрайности всё возрастающее вращение Меркабы. Вдруг Мелхиседек собственными глазами увидел, как небеса разверзлись, принимая белый энергетический смерч, который, растворяясь в таинственной бесконечности ночного неба, постепенно увлек за собой радужное тело Сына Божия Иисуса Христа – Повелителя Вселенной, Вседержителя, Пантократора. Через час тело Христа вознеслось, оставив на плащанице собственный образ. Иисус Христос осознанно и добровольно принёс себя в жертву ради благодати Господней – освобождения человечества от греха. Он навсегда сделал Иерусалим священной столицей мира.

Мелхиседек подумал, что был единственным свидетелем того, как светлая душа Иисуса Христа воскресла, забрав с собой всё своё тело. Однако Мелхиседек дважды ошибся. Во-первых, он был не единственный свидетель божественного воскрешения Христа. Невдалеке, оставшись незамеченной, это чудо во всех его подробностях наблюдала пожилая женщина – та, которая тридцать три года благоразумно и терпеливо, выверяя каждый шаг, направляла Иешуа из Назарета на путь Мессии. Та, которая благословляла его на невыносимые страдания ради высшей цели – спасения человечества. Это была его мать. Во-вторых, не всё своё тело забрал вознёсшийся Иисус. По иудейской традиции крайнюю плоть милого Иешуа всю жизнь хранила у себя его мать – высочайший идеал женственности, будущая Дева Мария. Эта тщательно скрываемая от христианского мира тайна помогла ей сохранить препуцию – интимную драгоценность Спасителя – от вандализма быть разобранной по всему свету верующими христианами на миллионы частиц, как это случилось с телами пророков других мировых религий. Отныне благословенный лик Девы Марии будет проявляться в каждой женщине, взявшей на руки своего первенца.

Глава 1

Клетка зародыша – зеркало целого

Они стояли напротив входа в реликтовую пещеру Большого Кайманового острова в пригороде Джорджтауна.

– Надо, чтобы Аль-Бари провёл в этой пещере несколько ночей, – сказал Валиулла, показывая на тёмный вход в пещеру.

– Зачем?

– Чтобы он научился преодолевать страх, милая моя Адель, – негромко ответил Валиулла, не желая, чтобы их шестилетний сын слышал этот разговор. Ребёнок стоял поодаль, спиной к родителям, и безмятежно играл тростью своего отца. – Мы опаздываем с этой процедурой на пару лет. Смотри, как быстро он растёт.

– А что особенного в этой пещере?

– Ничего особенного. Обычная тропическая пещера, каких на Земле множество. Разница лишь в том, что здесь со времён Колумба ещё не ступала нога человека. Согласись, ничего кроме пользы для мальчика не будет, если он проведёт несколько ночей среди летучих мышей, пауков, ядовитых гадов и тысячи тысяч многообразных существ, сформированных сталактитами и сталагмитами за предыдущие миллионы лет.

– А если его укусит какой-нибудь гад?

– Если он не будет бояться, его никто не укусит.

– А если Аль-Бари испугается?

– Значит, наш сын не мужчина.

В это время ещё не посвящённый в планы родителей ребёнок невинно продолжал играть тростью своего отца, изготовленной из высохшего на корню дерева. Из-за своей твёрдости, не поддающейся обработке традиционным способом, это дерево называлось «железным». Аль-Бари с размаху ударил набалдашником о камень и не смог удержать трость в руках. Она отлетела от камня на несколько метров, издавая звук чугунной болванки. Для Аль-Бари это было неожиданно, он поднял руки, привлекая внимание родителей, и невинно засмеялся.

Адель проснулась среди ночи от шевеления внутри себя. Это состояние было для неё новым, хотя и ожидаемым. Шевеление пробудило у Адель восхитительное, ни с чем не сравнимое чувство материнства. Созревающий внутри неё ребёнок был мальчик Аль-Бари – плод её большой и страстной любви. Для женщины нет ничего более существенного, делающего её абсолютно счастливой, чем ощущение зарождающейся у неё внутри новой жизни. Затаив дыхание, Адель по крупицам пыталась восстановить в памяти только что пережитые эмоции, но эффект новизны иссяк. Мысль о том, что «я скоро буду мамой», теперь для неё станет нормой.

«Я жду рождения моего дитяти и скоро стану мамой. Нет, не так! Я уже чувствую себя мамой. Я мама! Подумать только: я – м-а-м-а. Всё-таки мудро устроена Природа – женщина становится мамой ещё до рождения первенца, потому что она взращивает своё дитя, а не просто ждёт его рождения. У мужчин всё по-другому, они становятся папами лишь после рождения ребёнка. Никакой мужчина никогда не испытает этих волшебных эмоций, лелея под сердцем собственное дитя. Женщина взлетает на седьмое небо, когда это маленькое чудо толкает её изнутри ножкой: „Я жив, я твой, я скоро тебе покажусь“. Интересно, почему Господь Бог лишил мужчин права участия в этом таинстве? Наверное, чтобы не испортить это деликатное дело, – усмехнулась своим мыслям Адель. – Хотя чему я удивляюсь, ведь недаром один умный чернокнижник когда-то изрёк: „Женщина – море, а мужчина в нём рыба“. Очень точная мысль. Но поскольку все мужчины постоянно претендуют на своё верховенство, к этому выражению

можно добавить: при этом рыба уверена, что море существует исключительно ради неё, без рыбы море погибнет, – улыбнулась сделанному добавлению Адель. – Чанышев говорил, что в женщине заложена способность к самовоспроизводству. Это означает, что если вообще не будет мужчин, жизнь на Земле не прекратится. Ведь зачем-то Господь Бог даровал женщине эту способность. Может быть, однажды, в далёком будущем, женщины решат, что жизнь без мужчин лучше. Между прочим, море без рыб гораздо чище. Мир стоит на пороге гендерной революции, и на этой планете появится однополое человечество. Именно однополое, а не гермафродитное. Представляю себе: Земля – планета женщин, каково? – и она снова улыбнулась. – Хотя лично меня соседство мужчин не беспокоит. Больше того, не хотелось бы расставаться с некоторыми мужчинами, они украшение моей жизни».

При этом она подумала о Валиулле – человеке, причастном к рождению её сына. Она любит своего мужа и ни минуты не переставала его любить с первой их встречи. Собственно, в этом нет ничего необычного – каждая беременная женщина любит отца своего ребёнка, особенно если это первый ребёнок.

Лёжа в своей постели, Адель замерла, надеясь, что ребёнок шевельнётся вновь. Её сын, заполнивший собой все клеточки её тела и душу, почему-то затих и не подаёт никаких признаков жизни.

«Что случилось, почему ты молчишь? О ужас! Мальчик мой, что случилось? Тебе плохо? Я неловко прижала тебя и ты не можешь шевельнуться? Надо что-то делать. Ну не молчи ты, ради Бога! Дай мне сигнал, что ты в порядке. Пожалуйста, дай мне сигнал. Ну вот, наконец пнул маму ножкой. Маленький мой, проснулся. Я поняла, что разбудила тебя. Прости. Впредь буду осторожней. Боже мой, какое счастье, что ты у меня есть! Какое счастье, что ты мальчик – будущий мужчина. Мы с тобой не будем ждать, когда всё человечество будет женским. Я помогу тебе стать настоящим мужчиной. Я знаю, каким должен быть желанный мужчина. Ты мой сыночек, а я твоя мама и я тебя люблю! Сейчас слишком рано, чтобы вставать, я, пожалуй, посплю ещё немного, но если ты потребуешь у меня встать, я, конечно, встану, мой милый. Я люблю тебя!»

«Дорогая моя мамочка, и я тебя люблю. Люблю с той самой первой клетки, когда началась моя жизнь в твоём теле. Я знаю, что был зачат на апогее твоей любви к моему отцу. Я счастлив, что вы любили друг друга и этим дали мне невероятную силу. Спасибо вам. Я вырасту достойным вас обоих. Ты моя мама, и для меня нет ничего сладостнее этого слова. Для меня ты величайший объект поклонения. Ты нечто всемогущее, способное сотворить для меня всё что угодно. Для меня за всем тем, что живёт на свете, стоишь ты. Ты солнце жизни моей. Душа моей души. Я неотъемлемая часть тебя. Мы с тобой единое целое существо. Невозможна и немислима наша жизнь друг без друга. Я слышу всё, что слышишь ты, например как тикают часы моего отца, которые ты кладёшь перед сном на подушку, и птичий хор за окном, и шуриание листья нашего сада, и даже фальцет джаркентских петухов по утрам. Больше того, я слышу, как течёт кровь по твоим артериям, и наслаждаюсь звуками твоего дыхания. Я счастлив засыпать и просыпаться под мерный ритм твоего сердца. Я вижу всё, что видишь ты. Все твои радости есть и мои радости. Всё, что тебя волнует, волнует и меня, даже если эти волнения вызваны моим поведением. Я чувствую всё так же, как чувствуешь ты. Я не знаю, что именно вызывает у тебя эти чувства, но я реагирую на это точно так же, как реагируешь ты. Мне известны все твои секреты. Я живу в твоих сновидениях точно так же, как живёшь в них ты сама. Пока я не родился, я легко могу путешествовать по твоим снам. Сегодняшний сон – это картинка того, что происходит на самом деле, но в другом, параллельном мире, где папа не погиб, мне шесть лет и мы на Каймановых островах. Там, у реликтовой пещеры, меня поразила деревянная трость отца, которая была твёрдая и тяжёлая, как чугунная болванка, и так же „пела“, когда я бил ею о камень. Трость отлетела. От неожиданности я поднял руки и нечаянно разбудил тебя, прости. Не обессудь,

но отныне ты будешь радоваться всякий раз, когда я буду кувыркаться внутри тебя. Извини, это необходимо для моего созревания и это будет продолжаться до тех пор, пока не настанет время мне появиться на свет. Как только я взгляну в твои глаза, я забуду твои секреты и начну собственную жизнь в этом мире. А пока мы одно целое. Сейчас слишком рано, чтобы тебе вставать, посты ещё немного, я не буду тебя тревожить. Я тебя люблю и обожаю!»

Адель проснулась, как обычно, ровно в 6 часов утра, совершенно счастливой, и прежде чем встать, она подумала над тем, что ей приснилось. Ей снился ещё не родившийся сын в шестилетнем возрасте и погибший полгода назад муж. Они вместе, где-то в Южной Америке, в местах, о которых она ничего не знает. Пока Адель не понимала, что означает этот сон. Однако, как советовал её друг и учитель Чанышев, она записала этот сон в блокнот, для того чтобы выработать собственный язык общения с Космосом и научиться правильно понимать информацию, идущую к ней через сновидения. Потом села в удобную позу и погрузилась в двадцатиминутную медитацию. Обычно после медитации она выходила голой в сад и обливалась ледяной водой, но сейчас она была беременна, и эта весьма полезная процедура была временно отменена. Адель набросила на себя халат и вышла в сад. Она жила одна и потому в этот пред рассветный час могла себе позволить выйти из дома в легкомысленном халате, чтобы причаститься восходящим солнцем и свежестью утра. Сейчас её радовало всё: запахи, краски, звуки – абсолютно всё, чем был наполнен этот пробуждающийся мир. Адель вынашивала ребёнка и, как всякая хорошая мать, понимала свою высокую ответственность за сохранение здоровья дитяти. Она ежеминутно наполняла каждую клеточку ребёнка своей любовью, радостью и восхищением жизнью.

Гибель мужа, её беременность, а также длительные отъезды Чанышева определили распорядок дня Адель. И не только её самой, но и её ближайшего окружения. Например, последнее время она завтракала вместе с Хамсой и бабой Аганей ровно в восемь, и завтрак они готовили вместе. Обычно две женщины на одной кухне несовместимы. Этот кухонный тест выживания двух женщин на одной, сугубо женской территории не прошла ни одна женщина на свете. Он всегда и у всех кончался одинаково – эмоциональным взрывом. А здесь целых три женщины – бочка с порохом, но это были необычные женщины. Они были очень разные. Из разных поколений, представляли разные культуры и слои общества, были приверженцами разных религий и мировоззрений. Тем не менее это не мешало им прекрасно сосуществовать, потому что это были идеальные женщины. Адель, Хамса и Аганя не просто уживались на этой территории – они взаимно дополняли друг друга, создавая пространство согласия и взаимоуважения. Общение друг с другом доставляло им истинное удовольствие.

Сегодня сияющая счастьем Адель поделилась с подругами тем, что готовится стать мамой. По этому поводу Аганя напекла русских блинов. Они пили хороший чай и наслаждались блинами с мясом, творогом, домашней сметаной и мёдом. За завтраком обсуждали всё, что каждая из них знает о родах. Аганя – лучшая повитуха на свете, имеет огромный опыт чужих родов, Хамса имеет собственный опыт рождения сыновей, а Адель прочла всё, что написано на разных языках о ритуале родовспоможения в разных странах в настоящее время и в прошлые века. Это был идеальный консилиум для выработки алгоритма встречи первенца Адель. К обеду, после бурных дискуссий, «наполеоновский» план действий был принят. Главные пункты плана: 1. Роды будут проходить в доме Адель. Для этого её спальню оборудуют всем необходимым и заранее стерилизуют. 2. Адель будет рожать, стоя на корточках, по методике, используемой роженицами всего мира вплоть до XVIII века. 3. Роды будут проходить в воду. Для этого будет изготовлено корыто большого размера, на дно которого постелят фланелевую простынку, а потом наполнят тёплой водой. В воду добавят щепотку морской соли, глюкозы и пищевой соды, чтобы по химическому составу хотя бы немного приблизить её к околородным водам роженицы. 4. После рождения ребёнка и выхода последа пуповину обрезать не будут. Плацента останется вместе с младенцем до тех пор, пока не отсохнет естественным

образом. Плаценту слегка подсолят и, завернув в стерильную марлю, дадут полностью высохнуть. Впоследствии её перемелют в порошок и скормят ребёнку небольшими дозами. Также этот порошок может быть использован как лекарство в случае какой-либо болезни Адель. Агания высказала свои сомнения по поводу последнего пункта этого плана. Доводы Адель и Хамсы, приводимые в защиту сохранения плаценты, не убедили бабу Аганию. Было решено дожидаться Чанышева, который выступит арбитром этого спора. Следует заметить, что в течение недели в этот план вносились согласованные «наполеонами» многочисленные дополнения, но эти четыре пункта остались неизменными.

Через неделю в Джаркент вернулся Чанышев, и подруги показали ему выстраданный документ. Чанышев внимательно прочёл меморандум, потом улыбнулся и, обращаясь ко всем, спросил:

– Кому пришла в голову идея рожать, стоя на корточках? Вы уверены, что этот способ правильный? Мне всегда казалось, что женщина рождает детей, лёжа в постели.

За всех ответила Адель:

– Я прочла много источников на эту тему. Веками в разных странах по всему миру, в том числе и в России, женщины рожали детей, стоя на корточках или сидя на обычном стуле. Я тоже хочу родить, стоя на корточках. Мне кажется, это самая естественная поза для роженицы.

Потом она сделала небольшую паузу и безо всякого перехода продолжила:

– Жил на свете французский король Людовик XIV, которого звали Король-Солнце. В Европе считалось, что Людовик был высоким интеллектуалом, образцом изысканного вкуса и изощрённым сердцем, которому принадлежит выражение: «Женщину можно ударить только цветком». Согласитесь, довольно смелое утверждение во времена абсолютного бесправия европейских женщин. Кроме того, он был тонким меломаном и любителем театра. Но больше всего на свете он любил наблюдать роды. Для этих целей во дворце была оборудована перинатальная комната, в которую привозили в качестве актрисы заранее отобранную для королевского показа роженицу сразу после начала у неё родовых схваток. Как известно, у всех женщин от первых схваток, отхода околоплодных вод и до рождения ребёнка проходит много часов. Король-Солнце, ожидая наступление заключительного акта подготовленного для него спектакля – рождения ребёнка, делился с присутствующими своими мыслями по поводу предстоящего зрелища. Обычно он садился в кресло напротив роженицы, словно в первом ряду партера, чтобы наслаждаться процедурой родов. Поскольку Людовик страдал аббревиатозом и жившие в его кишечнике гельминты постоянно требовали пищи, он всё время хотел есть. Слуги следили за тем, чтобы перед ним всегда был накрыт обеденный стол. Король-эстет, смакуя бокал охлаждённого шампанского из Лангедока и, как настоящий ценитель, закусывая его клубничкой, внимательно наблюдал «церемониал рождения человека», млея от возникающих при этом нестерпимых ароматов. Монарха радовал не столько факт рождения человеческого дитя, сколько созерцание физиологических подробностей, сопровождающих роды. И вот наконец показывалась головка новорождённого. Однако Людовик не видит ребёнка, ребёнок его не интересует. Всё внимание ценителя искусства направлено на кровь. Он видит только кровь и слышит неистовый, душераздирающий крик рожавшей женщины. Вот незабываемый, ни с чем не сравнимый апогей всего спектакля. Король Франции – образец для подражания, на вершине блаженства! Позже для удобства созерцания приятной его сердцу процедуры он приказал всем подданным рожать только лёжа в постели. Эта «мода» быстро распространилась по Европе. С тех пор такая поза роженицы стала считаться единственно правильной, – Адель умолкла и, наблюдая за реакцией своих друзей, добавила: – Во всём этом есть что-то сатанинское. Рождение человека, как и его смерть, – сакральная ипостась Природы. Любая публичность в таком деле неуместна, оскорбительна и безнравственна.

Чанышев внимательно посмотрел на Адель и сказал:

– Ты права, в этом есть что-то сатанинское. Мы будем рожать нашего мальчика самым естественным способом, чтобы не травмировать дитя и облегчить жизнь его матери. Так?

– Конечно, конечно! – в один голос подтвердили женщины.

Чанышев отозвал в сторонку Адель и, наклонившись, негромко спросил:

– Прости, пожалуйста, дитя моё. Я хочу задать тебе интимный, но очень важный вопрос, можно?

– Конечно, я открыта для вас. – Адель посмотрела Чанышеву в глаза.

– Скажи, пожалуйста, когда вы занимались с Валиуллой любовью, вы думали о рождении ребёнка?

– Конечно. Мы постоянно говорили об этом. Мы страстно желали ребёнка. Валиулла так радовался тому, что у нас родится сын.

– Откуда ты знаешь, что у вас будет сын?

– От вас. Это вы сказали мне, что у меня будет сын. Вы забыли?

– Да-да, прости, действительно забыл.

– Что вас волнует?

– Как ты знаешь, человек начинается с перинатальной клетки. Эта клетка – самостоятельное разумное существо. Она знает правду о желаниях и намерениях родителей относительно будущего ребёнка. Если ребёнок желанный, он родится здоровым и жизнерадостным. Он никогда не будет плакать, потому что плач ребёнка – это аномалия его поведения. Подобная реакция новорождённого не предусмотрена Матерью-Природой. С другой стороны, если мужчина и женщина во время соития не помышляют о зачатии ребёнка или тем более не желают беременности, перинатальная клетка может поставить программу на уничтожение, и ребёнок родится неизлечимо больным или не родится вовсе. Все болезни новорождённых детей есть результат негативного поведения родителей. Дети таких родителей постоянно плачут по любому поводу. Я уверен, что у нас всё будет хорошо!

Пользуясь случаем, своё скромное сомнение относительно плаценты высказала Агания. Она заметила, что в православной культуре и своей собственной практике родовспоможения не встречала примеров использования плаценты так, как предложено планом. Современные люди плаценту чаще всего выбрасывают. Хотя издревле православные христиане относились к ней с большим уважением и закапывали недалеко от дома, чтобы защитить его от сглаза.

На что Чанышев доброжелательно заметил:

– Дорогой друг Агафья Алексеевна, я глубоко уважаю ваше православное мировоззрение и с большим доверием отношусь к вашему опыту в таких вопросах, но нет ничего безбожного в том, чтобы не обрезать пуповину, а сохранить плаценту Аль-Бари до тех пор, пока она не отсохнет сама. Насколько я знаю, пуповина начинает пересыхать уже на следующий день и совсем отваливается меньше чем через неделю. Так было устроено Господом Богом, и, наверное, мы не должны его поправлять. Я не знаю, где и когда впервые была обрезана пуповина новорождённого, но уверен, что это было сделано злонамеренно. Эта сатанинская практика, существующая много веков, уже распространилась по всей планете. Во время преждевременного отсечения плаценты новорождённый с первых минут своего появления на свет получает стресс, лишаясь дополнительного питания несколькими литрами плацентарной крови и гормонов. Это вызывает у ребёнка гипоксию, или дефицит кислорода, из-за чего страдает его мозг и нервная система. В этом случае, как правило, ребёнок навсегда лишается определённых качеств. Подобный метод родовспоможения применяется повсеместно, из поколения в поколение. Человек как величайший объект Природы, по некоему злему умыслу, постепенно и безвозвратно теряет свои свойства и способности, изначально заложенные в него Всевышним по образу и подобию своему. Повторяю, мы должны рассматривать плаценту как естественный орган ребёнка. Кроме того, в плаценте существует некий малоизученный природный объект, который в будущем назовут «стволовые клетки». По существу, это предшественники всех

клеток и тканей нашего организма, которые в дальнейшем превращаются в различные органы человека. Обычно к 12–13 годам жизни стволовые клетки полностью исчезают. Я слышал, что они сохраняются в молочных зубах ребёнка, и, видимо, поэтому в старину родители хранили выпавшие молочные зубы своих детей. Однако знание о том, что с этим делать дальше, было утрачено. Конечно, будет хорошо, если из плаценты – этого биологически активного материала – приготовят лекарственный препарат для Адель и её сына. Кроме того, например, в Индии считается, что такое рождение наделяет человека сверхспособностями, дающими ему качества Будды. Через пуповину и плаценту ребёнок получает аккумулярованную космическую энергию. К сожалению, в наше время отношение к этому важному органу человека изменилось. С одной стороны, его выбрасывают, словно мусор, с другой стороны, к нему относятся как к товару. Мне известно, что многотысячелетняя китайская культура позволяет относиться к плаценте весьма практично, как к большой ценности. Её продают состоятельным китайцам очень дорого, чтобы приготовить из неё «цзяо-цзы» – так называется блюдо, похожее на наши пельмени...

Обескураженная Аганя молча перекрестилась.

Адель не терпелось поделиться с мужем новостью о том, что их сын начал шевелиться. Сегодня был тот день, вернее ночь, когда врата Космоса будут открыты и она может увидеть Валиулла.

В десять тридцать вечера Адель вошла в маленький чулан с садовым инвентарём. Взяла с полки небольшую веточку артыша, зажгла её и почистила себя дымком. Открыв потайной замок под стеллажом с садовым инвентарём, отодвинула большое венецианское зеркало, закрывающее вход в подземный лабиринт, ведущий к Психомондеуму, или, как они его называют, Реостату. Она бывала здесь много раз, но всякий раз направляясь к этому инструменту для работы с Пространством, испытывала лёгкое волнение, потому что каждая встреча с потусторонним миром приносила ей новые незабываемые впечатления.

Сегодня целый час она будет общаться со своим любимым мужем. Как обычно, Адель взяла зажжённую свечу и, спустившись по ступеням на четыре метра под землю, вошла в небольшую комнату размером четыре на четыре метра. Здесь всё было ей знакомо. В центре комнаты стоял невысокий квадратный топчан, выкрашенный в чёрный цвет. На четырёх чёрных стенах висели большие, на полстены, зеркала в чёрной раме, под которыми стояло по одной свече. На потолке, прямо над топчаном, зеркало овальной формы. Здесь было тихо и темно, Реостат был надёжно защищён от проникновения извне света и звука. Как обычно, она зажгла свечи по сторонам света, села к зеркалу лицом на север и приготовилась увидеть своего мужа. Она всматривалась в своё отражение в зеркале, словно в экран синематографа, держа периферийным зрением горящую перед собой свечу. Через несколько минут её отражение исчезло, и на «экране» появился улыбающийся Валиулла.

– Намастэ², моя милая! – Валиулла сложил свои ладони перед собой, как обычно делают это индийцы.

– Намастэ, мой хороший! – Адель повторила жест Валиуллы.

– Я вижу в тебе богиню и поклоняюсь ей. Рад тебя видеть! Как ты себя чувствуешь? Как твои дела? – улыбнулся Валиулла.

– А я вижу божественное в тебе и наслаждаюсь этим! – улыбкой ответила Адель. – Спасибо, у меня всё хорошо. Я почувствовала себя мамой, Аль-Бари начал шевелиться.

– Здорово, поздравляю! Тебе хорошо, ты уже чувствуешь себя мамой, а я стану папой только после того, как родится мой сын.

– Извини, но это действительно так. Женщина – море, а мужчина в нём рыба.

² Намастэ (санскр.) – приветствие, которое означает: «Божественное во мне приветствует божественное в тебе и соединяется с ним». Так здороваются друг с другом жители Индии и Непала.

– Да, да. Встречу черно книжника Парацельса, обязательно скажу ему, чтобы в следующей земной жизни он отказался от такого умозаключения, чтобы красивые невинные девушки не могли цитировать его глупость.

– Ты можешь встретить Парацельса?

– Конечно. Я могу здесь встретить любого, когда-либо жившего на Земле. Между прочим, и ты можешь встретить кого угодно. У тебя есть Реостат. Тебе нужно только захотеть.

– Да, да. Я ещё не научилась мыслить такими категориями.

– Что тебя так взволновало пару дней назад?

– Я рассказывала Чанышеву и моим женщинам о скверной привычке французского короля. Пока рассказывала, как будто купалась в грязи. Мне было неприятно. Но своими впечатлениями я ни с кем не делилась, откуда ты знаешь? Кто тебе сказал?

– Мне рассказал Аль-Бари. Он чувствует все твои эмоции. Он не знает их первопричину, но чувствует очень живо. Любая твоя эмоция немедленно отражается на нём. Всё это тонкая материя, его тело выходит из наших с тобой мыслей о нём. Кроме того, твоему мозгу всё равно, существует это событие на самом деле или это плод твоих фантазий или памяти. Мозг подаёт сигнал для работы других систем твоего организма. Сейчас у тебя в утробе живёт зародыш Аль-Бари. Его ручки охватывают его уши, а глаза на уровне согнутых колен. Он не дышит ртом или носом, и его дыхание, так же как и жизнь, подчинено этим элементам в твоём теле. Будь внимательна, ребёнка нельзя травмировать мыслями о несносных французских королях.

– Ты прав, спасибо. Я буду избегать любой негативной эмоции. Наш сын будет развиваться только в позитивной атмосфере.

– Вот и хорошо. Я так рад тебя видеть! – Валиулла весь светился, глядя на свою любимую женщину.

– Я танцевать хочу.

– Прости, не понял.

– Я хочу с тобой потанцевать. Мы с тобой ни разу не танцевали. Мы даже не танцевали наш законный свадебный вальс. Между прочим, ты умеешь танцевать вальс?

– Господи боже мой, конечно умею. Я прекрасно танцую. В Сорбонне, на факультете изящных искусств и словесности, я слыл лучшим танцором. Между прочим, мы уже опаздываем на бал. Твои гости ждут от нас открытия бала.

– Мои гости?

– Да. Там будут все те, кого ты хочешь видеть.

– Мои родители и братья тоже?

– Конечно! Здесь не появятся только те, о ком ты не будешь вспоминать. Для нашего первого вальса я заказал Иоганна Штрауса. Ты не против?

– Конечно я не против! А как я выгляжу?

– Великолепно! Тебе очень идёт твоё прекрасное подвенечное платье. Это будет наш законный свадебный вальс. Возьми меня под руку, мы идём танцевать.

Они стояли на мраморных ступенях перед массивной дверью роскошного дворца, построенного талантливым архитектором посреди ухоженного парка на берегу рукотворного озера. Двери распахнулись, и молодожёны вошли в зал, стены которого были украшены картинами русских художников в позолоченных рамах. Между картинами и зеркалами – замысловатые бронзовые канделябры по шесть свечей каждый, на потолке – огромная люстра в пятьдесят пять свечей. Изысканная публика, вежливо ожидающая начала бала. Мужчины в строгих смокингах и ослепительно красивые дамы в вечерних нарядах встретили Адель и Валиуллу восторженными аплодисментами. Дирижёр оркестра на балконе взмахнул палочкой, и грянул вальс Иоганна Штрауса «Сказки Венского леса».

Адель положила руку на плечо Валиуллы, а он взял её за талию. Адель почувствовала горячие ладони Валиуллы. Секунда – и, отдавшись во власть любимого мужчины, закружилась

в танце. Перед глазами замелькали картины художников, улыбающиеся родители и братики. Потом появился учитель айкидо, старики Ибрагимовы и, конечно, восхищённые глаза Валиуллы. Может быть, с непривычки от быстрого танца, или от нахлынувшего счастья, или по какой-либо иной причине, но у Адель закружилась голова. Валиулла понял это и вывел её на балкон:

– Ты устала. Тебе надо отдохнуть. Это слишком большая эмоциональная нагрузка для тебя.

– Да, мне пора идти. Я очень соскучилась и жажду свидания с тобой, любовь моя.

– Я тоже соскучился. Ты знаешь, что надо сделать, чтобы твоя любовь пришла на свидание.

«Экран» погас, и Адель увидела своё отражение в зеркале. Она чувствовала лёгкое головокружение, лицо покраснелось, ладони пылали жаром, в коленях лёгкая дрожь, а сердце готово было выпрыгнуть наружу. Пламя свечи перед зеркалом бесновалось, как будто в помещении гулял ветер. Но ветру здесь неоткуда взяться – это гуляли её энергии. В этот раз они общались с Валиуллой почти час, и каждая минута этой встречи была наполнена любовью и обожанием друг друга. Адель поблагодарила Реостат, погасила свечи и счастливая вернулась в свою комнату. В ушах по-прежнему шумел «Венский лес», когда она ставила в вазочку с водой ветку цветущей джигиды, дающей ни с чем не сравнимый запах любви. Потом она зажгла свечу, сандаловую палочку и нагая легла в пахнувшую чистотой и свежестью постель. Предвкушение ночного свидания с желанным мужчиной негой прокатилось по её телу. Менее чем через час Адель почувствовала страстный поцелуй своего мужа. От нахлынувшего блаженства у неё вновь закружилась голова. Она даже не успела это осмыслить, как незаметно для себя погрузилась в глубокий сон счастливого человека.

Под утро у Адель было сновидение, будто они с Валиуллой, нагие и беспечные, словно Адам и Ева, прижавшись друг к другу, стояли под водопадом Куанг Си в девственном лесу недалеко от Луанг-Прабанга, в Лаосе. Её удивило то, что вода была тёплой. Она никогда не думала, что вода в водопаде может быть такой тёплой. А потом они, взявшись за руки, безгрешные и свободные, шли через лес навстречу восходящему солнцу.

Она проснулась от солнечного зайчика в лицо и сладко потянулась в постели. Сегодня Адель не спешила вставать, она внимательно наблюдала за тем, как нежность, тёплыми ручейками струящаяся по её артериям, передавала всему телу состояние абсолютного счастья. Каждая клеточка её кожи трепетала, вспоминая ночные прикосновения чудо-мужчины. Губы до сих пор пылали от поцелуев, а душа порхала в небесах. Ноги Адель гудели, как это бывает с непривычки после большой физической нагрузки. Это неудивительно, ведь накануне она много танцевала с мужем на балу и ещё гуляла с ним по лесу до самого рассвета.

Сейчас Адель почему-то вспомнила вчерашний сон: откуда ни возьмись рыжий мальчишка-алжирец улыбнулся ей – трогательные веснушки разбежались по лицу – и, сверкнув озорным взглядом, протянул редкой красоты, роскошное жемчужное ожерелье. «Это мне?» – спросила Адель. «Агха, – шмыгнув носом этот Гаврош и по-французски добавил: – Это тебе». Она, конечно, приняла подарок. Адель помнила важное эзотерическое правило – из своих снов всегда нужно выносить подарки, при этом ничему не удивляясь.

Адель сдержала своё слово, данное Валиулле, – с этого дня и до дня рождения ребёнка у неё не было ни одной негативной эмоции. Желанный, почти пятикилограммовый мальчик-богатырь родился в четыре часа утра 23 января 1923 года, в восьмой день растущей Луны года Кабана. Это период, когда рождаются гении.

Роды проходили идеально. Адель чувствовала себя хорошо. Вот в её лоне уже показалась головка плода, начинающего вращение вокруг своей оси, на 360 градусов, словно ввинчиваясь в этот мир. Через минуту мальчик выпал на свет божий. Родившегося Аль-Бари вынули из корыта с водой, обтёрли сухим полотенцем и положили на грудь Адель, рядом поставили

чашку с плацентой. Новорождённый взглянул в глаза матери и в голос рассмеялся. Он явно был доволен тем, как выглядит его мама и этот прекрасный мир. Потом произошло невероятное – мальчик приткнулся к уху матери, будто желая прошептать свои первые впечатления от появления на свет, и одновременно правой рукой он ласково и, казалось, осмысленно обнял её за шею. Адель физически почувствовала мощный энергетический поток, идущий от тёплого комочка весом всего пять килограммов. Это была предназначенная для неё чистая, ничем не обусловленная ЛЮБОВЬ. Такого проявления чувств Адель не ожидала и потому не знала, как реагировать на такую нежность своего сына. Она просто замерла, наслаждаясь счастьем быть матерью.

Поражённая увиденным Аганя осенила крестным знамением эту очевидную картину проявления Божьей благодати к рабам своим. Стоящая рядом Халида увидела в светящейся счастьем Адель лик её покойной матери – Зайниевой Галии, своей лучшей подруги. От трепетных воспоминаний о своей юности у впечатлительной Халиды брызнули слёзы в три ручья, она, стесняясь, закрыла лицо руками и отвернулась. Так началась жизнь Аль-Бари – сына Валиуллы и Адель.

Он тотчас потребовал свой первый завтрак, и Адель впервые начала кормить грудью своё дитя. Эта кульминация материнства позволяет любой женщине до конца осознать свою божественную сущность. Ближайшие двадцать часов Аль-Бари будет питаться материнским молоком и плацентой одновременно. Постепенно плацента съжится и на глазах начнёт сохнуть, одновременно отсохнет и пуповина. К этому времени организм ребёнка будет готов перейти на автономное питание.

На минутку заглянул Чанышев, чтобы поздравить Адель. Согласно традиции, новорождённого он увидит и поцелует в попку только через сорок дней.

Молодую маму вместе с сыном перевели в спальную комнату. С ними осталась Хамса, а Аганя принялась убирать горницу, временно оборудованную под перинатальную комнату. Она убрала корыто и тщательно вымыла полы. Убранство горницы было скромным, ничего лишнего. Единственным украшением, если можно так выразиться, была икона в красном углу комнаты, на которую помолилась Аганя до начала первых схваток и после того, как родился ребёнок.

Эта икона была подарок бабы Агани в день гибели мужа Адель. В тот печально памятный день Аганя, бережно снимая белоснежную пелену с иконы и глядя в глаза Адель, сказала: «Милая моя девочка, так устроена наша жизнь, что счастье всегда чередуется с горем, иногда сразу, иногда через долгое время. Принимай всё таким, каким оно к тебе приходит. Ты знаешь, я живу скромно, не накопила никаких богатств, да и не стремилась к ним. У меня нет ничего дороже, чем эта животворящая святыня – Ахтырская икона Божьей Матери. В ней пребывает моя душа и вся моя жизнь. Возьми её, она уберёжет тебя от будущих напастей так же, как однажды спасла меня. Смотри на неё и думай постоянно о Боге, это очищает душу».

Адель, хотя и была крещена родителями по православному обряду и крестик нательный с младенчества носила, но церковь не посещала, причастие не принимала, Бога поминала всуе и молилась лишь тогда, когда сильно прижмёт. В то время убитая горем, она не сразу осознала нравственный масштаб воистину христового поступка бабы Агани, отдающей свою жизнь и душу как выкуп, во спасение жизни Адель.

Сейчас, стоя перед этой иконой и вглядываясь в изображение Божьей Матери, Адель вдруг вспомнила один эпизод её далёкого детства. Это была беседа её отца, Дмитрия Дмитриевича, с его другом – философом и математиком Борисом Викторовичем Раушенбахом, пришедшим к Бартеневым в гости. Они говорили о значении иконы в христианской религии. Хотя их диалог шёл по-русски, в то время Адель ничего не понимала из этого разговора. И только теперь, по прошествии лет, при взгляде на икону некоторые детали той беседы удивительным образом всплыли в её сознании, поражая глубиной рассуждений.

– Видите ли, дорогой Дмитрий Дмитриевич, в православной Церкви икона – это существенная часть богослужения.

У католиков иначе, у них икона служит только иллюстрацией к Священному Писанию.

– Я согласен с вами, Борис Викторович. Именно поэтому католические иконописцы пишут Богоматерь с любой красивой женщины. Все их Мадонны – красавицы.

– А православные иконы похожи друг на друга, потому что восходят к первообразу – к самой Божьей Матери. И древние иконы у нас ценятся не потому что они старые, а потому что они ближе к подлиннику – первообразу.

– Мы с вами прекрасно знаем, что живописцы эпохи Возрождения создавали свои полотна в основном на библейские мотивы. В предлагаемых темах их более всего интересовало естественное восприятие людьми их произведения, поэтому они заполняли пространство вокруг ликов святых наивным реализмом. А у наших иконописцев важнее всего изображаемый святой, а не пространство вокруг него.

– С точки зрения православия это очень важно именно потому, что изображение святого необходимо для молитвы. С его помощью верующий обращается к первообразу. Как однажды патетически выразился один священник: «Для возвышения человеческого естества под воздействием божественной благодати и приобретения новых качественных свойств человеческой природы». Вот почему на православных иконах святой помещается на передний план – на обрезе рамы, как бы мы сейчас сказали. Перед ним нет никакого пространства, только сам молящийся.

– Теперь должно быть понятно, почему на иконах не полагается писать ничего, кроме золотого фона, передающего святость. Кроме того, на иконах святой изображается не по состоянию на земле, а в состоянии обожженной плоти.

– После второго пришествия у нас у всех будет обожженная плоть, а святой – он уже обожженная плоть, и реализм тут ни к чему, – рассмеялся Раушенбах. – На мой взгляд, выше русской иконы XV-XVI веков мировая живопись ничего не создала. Икона обращается к разуму человека, живопись эпохи Ренессанса обращается к чувствам, а модернизм обращается к подсознанию. Это явная инволюция человека к обезьяне.

– Bravo, Борис Викторович! Как врач, могу подтвердить то, что объём мозга у современного человека имеет тенденцию сокращаться в физическом выражении. Вы правы, человечество действительно шагает семимильными шагами в отряд приматов.

Неожиданно вошедшая в горницу Аганя увидела, как Адель внимательно смотрит на подаренную икону.

– Извини, Адель. Я, кажется, помешала твоей молитве.

– К сожалению, я не знаю молитв, я просто рассматривала эту икону. Мне показалось, что она предлагает осмыслить себя. Иногда мне кажется, что вы, Чанышев, Хамса, Валиулла уделяете мне слишком много внимания, даже больше, чем Господь Бог.

– Помнишь, прошлой зимой однажды утром по первому снегу мы увидели следы неизвестной собаки у нас в саду. Мы смотрели на следы и рассуждали, какая это собака. Мы не видели самой собаки, мы видели её следы и не сомневались, что это следы собаки. Бога никто не видел, но мы постоянно видим его следы. Оглянись вокруг, и ты увидишь каждодневное проявление Бога. Любовь окружающих тебя людей, как и твоя любовь к ним, и есть божественное проявление. Это не ты смотришь на Божью Матерь, это она на тебя смотрит, – сказала Аганя и как-то грустно улыбнулась.

С этого дня Адель глубоко прочувствовала значение дара Агафьи и сказанные ею слова, идущие прямо в сердце.

Глава 2

Руки Ангела

Агафья Алексеевна Стасина (урождённая Пичканова) была из семьи обедневших русских дворян. Как правило, Пичкановы не оставляли поколениям своих потомков значимых материальных благ. В их семьях не прививали детям здорового прагматизма. Зато высоко ценили и берегли безупречную нравственность, высокие моральные принципы и, конечно, православную веру.

Глава семьи служил в Кронштадте артиллерийским кондуктором Российского императорского флота. Мама от Свято-Троицкой общины сестёр милосердия служила медсестрой в Николаевском военно-сухопутном госпитале на Суворовском проспекте, дом 63, Санкт-Петербурга. Они снимали недешёвую и очень уютную квартиру недалеко от госпиталя, в Заячьем переулке. Их семья, как, впрочем, и многие другие семьи балтийских моряков, разрывалась между Кронштадтом и Санкт-Петербургом. Агафья была старшей из пятерых детей Пичкановых, поэтому на её плечах лежала забота о младших братьях и сёстрах, с чем неизбалованная Аганюшка успешно справлялась.

Особенно ей нравилось готовить обед в воскресенье – единственный день в неделю, когда родители и дети, вернувшись из церкви со службы, могли собраться вместе за обеденным столом. Обычно это был украинский борщ или русские пирожки. Агафья делала это вдохновенно, внося в известные рецепты собственные творческие находки. Например, борщ она варила только в толстостенном чугунном казане с плотно прилегающей крышкой. Как правило, мясной бульон для борща Агафья готовила из парной телятины с мозговой косточкой. После того как бульон закипит, она снимала пенку и к мясу в казан отправляла стебли сельдерея и петрушки, целную луковицу-шалот, предварительно воткнув в неё две гвоздики (это был её «секрет производства»), две половинки моркови, предварительно обжаренные на сухой сковородке (это было второе её «ноу-хау»), горошек белого и чёрного перца, лавровый лист, семена кинзы и множество разнообразных специй, задача которых – подчеркнуть свойства варёного мяса. Убавляла огонь, чтобы бульон не сильно кипел. Через час удаляла из него специи, которые к этому времени уже отдали все свои ароматы, но не успели ещё принять на себя аромат мяса. Дальше мясо будет вариться в гордом одиночестве на медленном огне ещё час. После этого оно вынималось, а сам бульон аккуратно процеживался. Чтобы осветлить, Агафья разбивала в него сырое яйцо и хорошенько его помешивала. Яйцо собирало на себя всяческую взвесь, и бульон снова процеживался. Ароматный, прозрачный бульон всегда получался слегка морковного цвета. Свёклу она резала крупной соломкой, а морковь – кружочками. Эти ингредиенты опускались в кипящий бульон первыми. Буквально через минуту в казан шла паприка, картофелина, нарезанная на несколько неровных частей, листья капусты, порезанные широкими лентами без твёрдой кочерыжки, и за жарка. Эту за жарку из спелых помидоров без кожицы (её не переваривает желудок), мелко нарезанного лука, острого перчика чили и домашней томатной пасты Агафья делала на топлёном масле, сюда же выдавливала половинку лимона. В конце этого ритуала в казан опускались куски сваренной телятины, заранее сваренная красная фасоль и зелень. Потом, в почти готовом борще, Агафья размешивала чайную ложку кашицы из маленького кусочка копчёного сала, толчённого с зубчиком чеснока и крупной соли. Сверху выкладывала тонко порезанный спелый помидор без кожицы. Огонь убирался, и казан закрывался крышкой. Борщ будет томиться, пока не остынет.

Обычно Агафья варила борщ в субботу вечером, чтобы он был готов к воскресному обеду. Суп подавался с домашней сметаной и бородинским хлебом, натёртым чесноком.

Семье нравилась такая еда, и каждое воскресенье превращалось в настоящий праздник.

Когда её несчастная маменька заразилась, выхаживая чахоточного солдата, и умерла, семья лишилась дополнительного заработка. Папенька оставил военную службу, и они переехали жить в скромную квартиру в доме на углу Кирочной улицы и Литейного проспекта. Папенька на дому пытался давать частные уроки по математике и черчению будущим прапорщикам Николаевской инженерной академии, однако соискателей, к сожалению, было мало. Дети росли, и папенькиного пенсионера и заработков уже не хватало, чтобы мало-мальски сводить концы с концами. Когда у папеньки появились первые симптомы волчанки, он и вовсе «потерялся» – в пору хоть руки на себя наложить. Агафья по собственной инициативе устроилась на работу помощником акушера в Мариинский родовспомогательный дом. Здесь деньги платили небольшие, но всё же заработок. Казалось, что жизнь может постепенно налаживаться. Болезнь папеньки прогрессировала. Приняли решение весной всей семьёй переехать жить в Крым, подальше от болотного климата Санкт-Петербурга. Папенька списался с дальними родственниками в Крыму, и семья готовилась к переезду. Агафья наотрез отказалась перебираться. В Сырную седмицу (Масленицу) отец объявил семнадцатилетней писаной красавице Агафье, что выдаёт её замуж за бывшего своего сослуживца Станислава Стасина – мичмана Российского императорского флота. Девушка заявила, что замуж не пойдёт, потому что не любит никакого Стасина. На что ответ был прост: «Эка невидаль. На Руси отродясь девицы замуж не шли по любви, только по настоянию родителей. Я на этот брак тебя благословлю, а дальше стерпится – слюбится». Она напонила родному отцу старую русскую поговорку: «На Масленицу жениться – с бедой породниться». Но папенька не желал слушать возражений. Ничего не поделаешь, такова участь обездоленных русских женщин.

14 февраля, в канун Сретения Господня, в день, когда православная традиция Руси вообще запрещает освящать браки, Агафью Алексеевну без любви и по принуждению тайно обвенчали, а по её мнению – просто продали доброму и порядочному человеку, бездетному вдовцу Станиславу Стасину. Агафья жалела одинокого и беззащитного Станислава и потому смирилась со своей судьбой. Никакой свадьбы не было. Посидели семейным кругом и рано разошлись спать. Утром жених отбыл с командой других моряков во Владивосток на воссоединение с основным экипажем эскадренного броненосца «Петропавловск», уходившего под командованием адмирала Макарова на Русско-японскую войну.

Через месяц Алексей Пичканов вместе с четырьмя детьми выехал из Санкт-Петербурга в Крым, в здоровый климат Бельбекской долины.

О том, что невеста забеременела в первую и единственную брачную ночь, не догадывались ни Агафья, ни её муж. Уже через четыре недели беременности Агафья вздумала не рожать, хотя и знала, что в России женщина, умышленно погубившая зачатый в утробе плод, подлежит осуждению как за совершённое смертоубийство. Позже, всю оставшуюся жизнь, Агафья будет искать, но так и не найдёт ответ на вопрос: как случилось, что она решилась на аборт? Кто втемляшил в её красивую головку эту сатанинскую мысль? Объективно у неё не было оснований не желать ребёнка. Она как-то вдруг, неожиданно, ни с того ни с сего замыслила сотворить столь тяжкий и непростительный грех. Совершая этот безбожный поступок, она, не ведая этого, услужила Сатане, и он «наградил» её бесплодием. Грешной Агафье не суждено знать сакральный замысел Творца, толкнувшего её чистую душу на смертный грех детоубийства.

Пройдёт время, и у Агафьи возникнет душевная и даже физическая потребность общаться с новорождёнными детьми. Она желала видеть, слышать и прикасаться к самому очевидному и значительному проявлению Бога на Земле. Агафья считала, что новорождённое дитя есть абсолютно чистое, не испачканное лживыми догмами совершенство. И поэтому в первые минуты появления дитя в неизвестном, а порой и враждебном ему мире этот ангел нуждается в истинной заботе и настоящей бескорыстной любви, такой любви, какую желала и могла дать сама Агафья. Порой ей приходила мысль, что, может быть, она убила собственное дитя ради спасения других детских жизней? А может быть, ради какой-то одной конкретной

жизни? Агафья надеялась, что со временем ей откроется это. Но всё это будет потом, а сейчас она уже купила у знакомого провизора заморское снадобье, гарантирующее прерывание беременности.

На следующий день после принятия этой нерусской дряни у неё начались тошнота, рвота, диарея и в конце концов вышли окровавленные куски нерождённого ребёнка. Не поверив в эффективность сатанинского зелья, она явилась в подпольный абортарий. Прекрасно осознавая, что, добровольно идя на аборт, она покушалась на свою собственную жизнь – тяжелейший из грехов, подлежащий наложению епитимьи. На всю оставшуюся жизнь выжженным на душе тавро сохранила её память: шесть ступенек в тёмный подвал, наполненный под потолок гнойным запахом греха; толстую «чёрную» акушерку с «глазами санпаку», в замызанной маске на носу и забрызганном кровью клеёнчатом переднике мясника; введенный ей внутрь трижды проклятый гинекологический корнцанг и непереносимый скрип скобления, напоминающий шаги человека, идущего в мороз по снегу: хруст, хруст, хруст, хруст.

Потом сутки, проведенные на ночном горшке, полностью очистили не только её тело, но и сознание, одурманенное умышленным детоубийством. Только сейчас она поняла глубину своего грехопадения и решила принять монашеский постриг. Она бежала с глаз долой от людей, но это была лишь попытка бегства от себя самой. Она уехала трудницей в недавно открывшийся Барятинский Софийский женский монастырь Елецкой епархии, чтобы в страданиях замалывать свой смертный грех. Здесь она познакомилась и подружилась с раскаявшейся в своих грехах послушницей сестрой Фисой – чистейшей души человеком, в миру Анфисой Яковлевой – неулыбчивой, но глубоко сострадающей падшим душам и убогим. Эти две родственные души раскаявшихся грешниц объединяло желание до конца пройти весь тернистый путь христианского обоготворения самой Любви к ближнему.

В монастыре Агафья приняла известие о трагической гибели своего мужа Станислава Стасина, канувшего в морскую пучину вместе с шестьюстами моряками эскадренного броненосца «Петропавловск» во главе с адмиралом Макаровым. Она считала себя причастной к гибели ни в чём не повинных людей. Это глубокое чувство вины долгое время терзало её душу. Когда-то, в первую брачную ночь, ложась в постель с нелюбимым мужчиной, она в сердцах пожелала ему смерти, а несчастный Стасин потянул за собой других. Почему в ту роковую ночь небеса не разверзлись и Господь Бог не покарал её за эти мысли? Ведь она знала, что любая мысль, как и слово, хорошее оно или плохое, отправляясь в Пространство, не исчезает бесследно и материализуется. Натё вам! Самое конкретное тому подтверждение! Несколько недель подряд, оставаясь по ночам в своей келье, она молилась за упокой души невинно погибших моряков. Это была её страшная тайна, которую она хранила до конца своей жизни.

Сестра Агафья слыла по всей епархии лучшей повитухой. В то время в России очень часто беспричинно, во сне, умирали дети десяти-двенадцати недель от рождения, и помогать приходу новой жизни – самое богоугодное дело. Её приглашали принимать роды во все соседние деревни и даже за глаза звали «повитуха – ангельские руки». Никому не было отказа, и денег за родовспоможение она не брала. Добрые люди благодарили её по-разному: кто подарит платок, кто вязаные варежки из козьей шерсти, кто отрез добротного сукна на платье. Другой раз за принятую двойню подарили новую пару зимних английских офицерских ботинок и ещё полушубок из овчины. Но чаще всего давали молоко, масло, яйца, сало и другие продукты питания.

Однажды весной Агафья принимала роды поскрёбыша у одной немолодой женщины. Такие роды всегда трудные, с большим риском как для ребёнка, так и для матери. Но, слава Господу, всё обошлось благополучно. Агафья уже собралась уходить, как к ней вышла мать роженицы, слепая старушка – божий одуванчик, и протянула завернутого в шерстяную тряпочку щенка – месяц от роду:

– Возьми, сестра, на память эту девочку.

- Да куда мне её! Я же в монастыре живу, а за щенком уход нужен.
- Возьми. Она тебя не обременит. Полюбишь её, и однажды она спасёт тебе жизнь.
- Ну хорошо, коли так. Спасибо.
- Храни тебя Господь, милая.

Так в жизни Агафьи появилась Джильда – чистокровная немецкая овчарка. Скоро они действительно подружились и не мыслили жизни друг без друга.

В принципе, Агафья считала свою жизнь счастливой. Она делала богоугодное дело и этим была защищена от всякого рода собственной греховности. Пока не произошёл один случай.

Её пригласили на приём родов в далёкую от монастыря деревню. Это были первые роды молодой женщины – писаной красавицы. Вокруг роженицы суетились соседки, в сторонке стоял озабоченный муж. Ещё бы, для этой семьи это был долгожданный ребёнок. Говоря современным языком – в силу генетических особенностей супругов вероятность рождения у них ребёнка была крайне мала. Они это знали, и все соседи и родственники это знали, но не знали, как им помочь. Молодожёнов любили и как-то очень по-русски жалели, моля Бога послать им ребёночка. Бог услышал, и женщина забеременела первый и, наверное, последний раз. Всё было хорошо, и вот настал день, когда надо рожать. При осмотре будущей мамы Агафья пришла к выводу, что самостоятельно родить эта женщина не сможет. У неё анатомически узкий таз, а ребёнок слишком большой и не сможет пройти через узкое костное кольцо. Кроме того, возможно, плацента расположена на пути прохода ребёнка. отошли воды, и настал критический момент принимать решение, кому спасти жизнь – матери или малышу. Если немедленно не сделать выбор, могут умереть оба. Из всех присутствующих никто не хотел брать на себя эту пагубу предпочтения, заведомо отказывая кому-то в жизни. Все вдруг отступили и посмотрели на Агафью, ожидая её вердикт. Та буквально застыла под их взорами. Внутри Агафьи всё вопило: «Почему именно мне надо выбирать, кому жить, а кому нет?! Почему я должна принять на душу этот грех?! За что?!» В ответ холодные бессердечные взгляды: «Если спасёшь ребёнка – ты виновна в том, что не спасла мать. Если спасёшь мать – ты виновна в том, что не спасла ребёнка». Эти дьявольские взоры оставили на сердце Агафьи глубокие раны, не зажившие до конца её жизни. Не дай вам Бог когда-нибудь столкнуться с такой дилеммой. Через полчаса Агафья извлекла из мёртвого тела женщины чудную девочку весом почти пять килограммов.

Монахини женского монастыря жили по заветам своих предков: «Руки в работе, а сердце с Богом». Они жили, отгородившись от мирских страстей, с открытыми друг другу сердцами, без лени, зависти и лжи. Но окружающий мир жил по своим законам и правилам. Каждая из них по-своему и все они вместе наблюдали, как стремительно меняется жизнь за стенами их обители. Они были уверены в том, что пришло безбожное время всех пороков, время торжества чудовищ, за которым наступает конец света. Каждый день они смиренно ожидали ниспослания им последнего земного испытания и молились за спасение своей души.

В конце января 1918 года Барятинский Софийский женский монастырь был разграблен бандой прихожан местного храма. Обитель была разорена, украдены запасы продовольствия, угнан скот, изнасилованы и убиты многие монахини. Трудница Агафья вместе с сестрой Фисой защищали монастырский иконостас. Предчувствуя беду, мудрая Фиса подозвала к себе Агафью и, надевая на неё свой нательный крестик, сказала: «Отдаю тебе свою жизнь. Ничего не бойся, Христос с тобой!» – и отправила сестру Агафью с главной святыней, Ахтырской иконой Божьей Матери, в подвал монастыря, а сама преградила путь бегущему за ними бандиту. Сестра Фиса стояла, словно христианский крест, вытянувшись во весь рост и широко раскинув руки, когда злодей вонзил в неё остро отточенный толстый железный прут. От неожиданности Анфиса вскрикнула и, широко раскрыв глаза, замерла. Убийца обомлел, когда увидел улыбку на устах проклятой монашки и своё отражение в её затухающих зрачках. В это мгновение сестра Фиса, словно Иисус, простила его. Через неделю, поймав на грудь смертоносную

пулю от хорунжего Пичканова из карательного отряда генерала Бутова, этот грешник вспомнит глаза и посмертную улыбку убиенной послушницы Фисы и, искренне раскаявшись в содеянном злодеянии, будет прощён. Божья тварь Анфиса найдёт своё успокоение, потому что, жертвуя своей жизнью, она спасла заблудшую душу православного отрока. Спустя годы на смертном одре Агафья, вспоминая этот эпизод своей жизни, поняла, что не она прятала икону, а монастырская святыня привела её в подвал, пряча Агафью от безбожников.

В тот момент, когда Агафья уже находилась с иконой в подвале, у входа разорвалась бомба. Агафья была заживо замурована в тёмном помещении без воды, без еды и без надежды на вызволение. Она с благодарностью приняла это как очищение своей души от греховности, как последнее испытание, дарованное ей Господом Богом перед встречей с ним. Постепенно глаза привыкли к темноте, и Агафья, установив перед собой икону, принялась молиться. Опасаясь привлечь к себе внимание христородавцев, она тихо шептала молитвы одну за другой до тех пор, пока не падала от усталости и напряжения. Постав неизвестно сколько времени, она принималась молиться сызнова. На девятый день своего заточения Агафья услышала глухой стук в дверь и далёкий лай Джильды. Она подошла к металлической двери и из последних сил ударила в неё попавшим под руку железным прутом. Громкий звон эхом прокатился по подвалу и вырвался наружу. Наверху ей ответили. Меньше чем через час дверь отворилась, и на обессиленную Агафью, радостно повизгивая, прыгнула Джильда, облизывая её лицо. Вслед за собакой в подвал вошёл мужчина в форме казачьего офицера. Это был холостяк Савелий Несторович Пичканов, однофамилец Агафьи из армии генерала Бутова. Он рассказал, что проезжал окольной, нехоженой дорогой мимо монастыря, когда под коня выскочила немецкая овчарка и своим поведением позвала его за собой. Так он оказался у заваленного входа в подвал.

На следующий день сестра Фиса была похоронена по православному обряду на монастырском кладбище, а невенчаные супруги Пичкановы и собака Джильда продолжили свой путь с армией генерала Бутова. Это была счастливая семья до тех пор, пока не погиб Савелий Несторович в бою под Актюбинском. Армия генерала Бутова отступила в Семиречье. В Джаркенте Агафья решила, что не поедет в Китай и если не будет возвращаться в красный Петроград, то останется здесь навсегда. Так провидение подвело Агафью Алексеевну Пичканову к главному событию её жизни.

За день до выступления армии в сторону Китая в фельдшерский пункт девушка привезла мальчика-сироту, которому какой-то человек своим сапогом отрубил палец руки.

Армейский фельдшер Павел Дубов зашил больному рану, а Агафья сделала перевязку и дала мальчику снотворное. С этой минуты его будет лечить сон. Дубов поблагодарил за грамотно оказанную первую медицинскую помощь и обещал присмотреть за мальчиком, которого звали Коля. Доставившую Колю в медпункт звали Адель. Этой удивительно красивой девушке органично подходило явно нерусское имя, и вся она была изысканно хороша. Казалось, что она была если не с другой планеты, то точно не из России, хотя и говорила на блестящем русском. Потом выяснилось, что Адель не просто из России, но из Санкт-Петербурга, или Петрограда, как сейчас говорят. Более того, они даже жили недалеко друг от друга в Адмиралтейском округе. Они с Агафьей быстро подружились.

Позже Адель познакомилась с Чанышевым, Хамсой и другими людьми. Агафья дорожила дружбой с ними, и они отвечали ей взаимностью. Один раз в месяц, а иногда и чаще друзья устраивали воскресный обед русской кухни. В этот день Агафья готовила им либо борщ, либо пирожки с капустой, картошкой, говяжьей печенью или солёными груздями. Летом это был суп со щавелем или молодой крапивой, а также пирожки с зелёным луком и яйцами. Её пирожки Чанышев называл «антигуманной пищей», потому что они готовились на кислом тесте, а это было вредно для желудка, но при этом он ел их наравне с остальными, потому что это было вкусно. Со временем Агафья не только стала активной участницей важных событий

их жизни, но и разделила их мировоззрение. Однако всё же некоторые взгляды новых друзей на природу вещей были за пределами её понимания.

Она, безусловно, была порядочным человеком с открытым, чистым сердцем. Но, как сказал однажды Чанышев, в её голове было много лишнего, наносного. Он считал, что Агафья неоправданно большое значение в своей жизни придавала религии или по крайней мере некоторым её догмам. Однажды Чанышев прочёл на эту тему целую лекцию: «Религия даёт каждому рабу Божьему надежду на то, что его загробная жизнь будет непременно лучше настоящей, земной. Это заблуждение или даже заведомая религиозная ложь, которая заставляет верующих выстраивать свою жизнь по принципу „всё потом“. Священнослужители считают, что у человека обязательно будет и любовь, и достаток, и уважение, и всё остальное, что составляет счастье, но потом. Поэтому, образно говоря, человек откладывает свою жизнь на потом. Более того, православие предполагает, что страдания – обязательный и даже главный атрибут жизни любого человека. Это лишает необходимости стремиться к счастью сегодня, прямо сейчас. Православный не ожидает радости бытия в каждое мгновение текущей жизни, а если такое неожиданно всё же случается, это пугает его и он немедленно должен плюнуть через плечо, чтобы „не сглазить“».

Чанышев считал, что изменить такое мировоззрение Агафье уже нельзя, да и не нужно.

Глава 3

Гримаса подлости

Ещё кровоточило сердце страны от позорного Портсмутского мирного договора с Японией, по которому проигравшая Россия уступила супостату южную часть Сахалина, а также права на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, как начались новые поражения русской армии в новой войне. Однако кому война, а кому мать родна. Первая мировая война стала источником невиданного обогащения властей предрежущих в России.

Петроград, 6 марта 1915 года, суббота. Советник Управления полиции Петрограда Аркадий Огарок за завтраком читал своей жене, адвокату Зинаиде Петровне, репортажи утренних газет о немецких погромах в Москве.

– Смотри, какая дикость, – сказал Огарок, надкусывая творожную ватрушку, – немцы бьют наших на фронтах, а русские «ура-патриоты» вымещают свою злость на московских немцах. Быдло голову подняло, кругом забастовки. В Петрограде чернь по углам шушукается, того и гляди под руку бомбисту попадёшь. По всей России полный бардак. У нас в департаменте только и разговоров, где, чего заработать. Россия беременна революцией. Помяни моё слово, смутные времена грядут, законы перестанут работать и в адвокатах нужды не будет. Сейчас самое время задел на будущее создавать. Надо думать...

– А что тут думать, – перебила его Зинаида, – недвижимость – она и в Африке недвижимость, всегда в цене будет. Мне урядник Загуляев одну наколку дал. Тут недалеко дворник, брыдлый басурман, со своей жопастой дурой живёт. Помещение хотя и полуподвал, но собственный вход и прилегающий дворик. Мне говорили, что у него даже камин есть. До него там один еврей, процентщик поганый, жил. Его потом убили, кажется. Неизвестно, каким образом безродный татарин попал в эту квартиру и вообще в Петроград. Сейчас самое время навести порядок. Завтра наведаюсь к заезжему татарину и объясню популярно, что к чему.

Упомянув урядника Загуляева, Зинаида обманывала мужа. В этом не было ничего особенного, она врала постоянно и всем подряд, иногда с умыслом, но чаще просто так, по привычке. Ложь – это среда её обитания, её воздух, без которого нет жизни. Более того, Зинаида была убеждена, что все люди на свете дышат точно так же, как она. Но в этот раз Зинаида не хотела, чтобы Огарок знал о существовании её нового ухажёра, предложившего идею – забрать у татарина квартиру. Её нового знакомого звали Тонинадер. Она встретила его случайно на Пантелеймоновском мосту через Фонтанку в дождливый полдень прошлой субботы. Это был элегантно одетый, обаятельный красавец с умными глазами. От него на километр несло мужскими феромонами вперемешку с новомодным запахом «Шипр» от Франсуа Коти. И когда Тонинадер сверкнул на неё своим аметистовым взглядом, сражённая наповал Зинаида готова была отдаться ему тут же, на мосту, несмотря на многочисленных прохожих и дождь. Однако Тонинадер не спешил немедленно принять её большую любовь, а пригласил Зинаиду на чашку кофе. В кофейне он поведал, что является английским коммерсантом и прибыл в Петроград по коммерческим делам. Сам он родом с Ближнего Востока, отсюда необычное имя. В настоящее время живёт в Лондоне. Он сказал, что весьма рад познакомиться с мадам Зинаидой Баткрэк (назвал её девичью фамилию!): «У вас прекрасные глаза, в них много санпаку». После этих слов Зинаида была готова на всё что угодно, только бы понравиться Тонинадеру, хотя и не поняла, что он сказал про её глаза. Он рассказал ей о квартире Ибрагимова и пояснил, что в этом подвале когда-то жил его дедушка. Это помещение дорого ему как память, поэтому он готов дать за эту конуру хорошие деньги. У Зинаиды появился шанс получить помимо денег ещё и любовь этого красавца, хотя бы кратковременную. Поэтому, порхая вокруг Тонинадера,

как бабочка вокруг соломенной шляпки, она поклялась решить этот вопрос в ближайшие две недели.

Воскресенье для Полины и Кешафа Ибрагимовых по-настоящему праздничный день, если не идёт снег и у дворника нет неотложной работы. Сегодня был именно такой день. Полина напекла татарские перемяшки со свежей бараниной и подала наваристый бульон на бараньих косточках. Кешаф наслаждался перемяшками, запивая их острым, горячим бульоном. Он чувствовал себя настоящим татарским ханом, глядя на то, как суетится вокруг него Полина, со всей своей искренностью убажывая всякое желание мужа. Они жили вдвоём, потому что их единственный сын – контр-адмирал Российского флота Ибрагимов Геннадий Кешафович, в настоящее время командовал эскадрой кораблей Тихоокеанского флота во Владивостоке. Воскресную идиллию безжалостно разрушил неожиданно громкий стук в дверь. Не дожидаясь ответа, дверь отворила расфуфыренная дама неопределённого возраста.

– Вы к кому? – одновременно, не сговариваясь, спросили ошалелые Ибрагимовы.

– К вам, к кому же ещё, – сквозь зубы процедила Огарок. – Меня зовут Зинаида Петровна, я адвокат, хозяйка адвокатской конторы «Вердикт» и жена советника Управления полиции Петрограда. Мне необходимо выяснить, откуда вы прибыли к нам в Петроград и на каком основании вы вселились в это помещение. Мне известно, что у вас нет законных прав занимать эту жилую площадь. Мы не позволим кому ни попадя нарушать законы Российской империи. Я могу немедленно вызвать полицию и вышвырнуть вас отсюда, но это будет не по-христиански. Даю вам неделю найти себе другое жильё или убраться из Петрограда туда, откуда вы сюда припёрлись. Надеюсь, я ясно выразилась. До свидания! – И, закрывая за собой дверь, добавила так и не проронившим ни слова Ибрагимовым: – Ровно неделю, и ни дня больше.

Оставшись одни, Ибрагимовы пытались понять произошедшее и оценить серьёзность прозвучавшей угрозы. Единственное, что срочно необходимо предпринять, – так это посоветоваться со знающим и авторитетным человеком. По мнению Кешафа, таким человеком мог быть недавно назначенный имам³ Соборной мечети на Петроградской стороне, на углу Кронверкского проспекта и Конного переулка. Его звали ахунд⁴ Жалялетдин Нежеметдинов – прямой потомок знаменитых имамов Соколовых, вошедших в историю своим служением в Ярмарочной мечети Нижнего Новгорода. Два года назад, в феврале 1913 года, эта мечеть ещё не была до конца построена, но первое богослужение к трёхсотлетию дома Романовых уже было проведено.

Часы в витрине часовой мастерской напротив их дома показывали два часа пополудни, и, опасаясь не застать имама на месте, Кешаф поспешил в мечеть. По дороге в мыслях он выстраивал свой разговор с имамом, и когда, незаметно для себя, он переходил с быстрого шага на бег, его голова только успевала вырабатывать новые варианты трудного для него диалога. В этот момент он вспомнил надпись на портале над центральным входом в мечеть: «А когда вы закончите молитву, поминайте Аллаха, будь то стоя, сидя или лёжа», и от себя Кешаф шутливо добавил: «И даже когда бежите». Сейчас он корил себя за то, что не поминал Аллаха так часто, как этого требует Священный Коран, не читал намаз пять раз в день и не всегда строго соблюдал правила жизни правоверного мусульманина. Одним словом, был по уши грешен, а потому Аллах отвернулся от Кешафа и не замечает, как несправедливо отнимают у него крышу над головой и лишают работы.

Как и подобает каждому входящему в мечеть, он совершил ритуальное омовение в хаузе, оборудованном в специальном помещении за её пределами, разулся и, проходя под аркой центрального входа, пробурчал себе под нос клятву стать настоящим мусульманином, если Аллах поможет ему сохранить дом и работу. Будущее покажет, что Ибрагимов сдержал эту клятву и

³ Имам – духовное лицо, которое управляет мечетью.

⁴ Ахунд – звание мусульманского учёного высшего разряда.

со временем был похоронен на престижном месте мусульманского участка Ново-Волковского кладбища.

Кешаф вошёл в молитвенный зал под роскошным сотовым сводом портала мечети. По исламской традиции этот огромный зал был лишён всяческих изображений, лишь на стенах арабской вязью были начертаны строки из Корана. Пол был устлан шерстяными коврами ручной работы. Кешафу показалось, что в зале не было ни души. Сейчас над этой пустынной территорией общения с Аллахом торжествовала сакральная тишина. Кешаф осмотрелся и наконец увидел человека. Этот единственный прихожанин, низко склонив голову, мирно спал в неудобной для сна позе, сидя по-турецки, скрестив ноги, напротив обращённого в сторону Мекки михраба⁵. Вдруг из узкого проёма, спрятанного за минбаром⁶, вышел мальчик-шакирд⁷ с верблюжьим пледом в руках. Кешаф знал этого подростка, он его земляк, тоже из города Форт Верный. Его звали Абай. Его недавно привезли в Петроград из медресе⁸ «Исхакия» татарской мечети Верного. Этот мальчик был свидетелем гнусного убийства своего друга. Поэтому, спасая ребёнка от дурных воспоминаний, мусульманская община Верного обратилась к имаму Соборной мечети Петрограда принять Абая в медресе «Мирас» столицы России, и здесь он был принят как родной. Абай осторожно, чтобы не разбудить, подошёл к спящему человеку и бережно накрыл его тёплым пледом. Имам мечети Жалялетдин Нежеметдинов, а это был именно он, поднял голову и, глядя на мальчика поверх своих очков, поблагодарил за заботу. Кешаф понял, что имам не спал, а читал толстенный фолиант в выдавшем виды, истрёпанном кожаном переплётё, лежащем перед ним на специальном пюпитре. В эту минуту в голове и душе Кешафа боролись два чувства: первое – не мешать учёному мужу постигать премудрости бытия, сохранённые для потомков в этой старинной книге. Второе его чувство было сугубо шкурное – попросить у знаменитого и влиятельного имама помощи в сохранении своего жилища и работы. В этой недолгой борьбе победило второе чувство. Кешаф на цыпочках подошёл на почтительное расстояние за спиной имама и замер, не смея приблизиться к этому великому человеку. Так он мог бы простоять до конца своей жизни, если бы Нежеметдинов – Соколов не сделал ему знак рукой подойти ближе. Кешаф исполнил приказ и, упав на колени рядом с имамом, дрожащим голосом произнёс традиционное исламское приветствие: «Ас-саляму алейкум» («Мир вам и милость Бога»). «Ва-алейкум ас-салям, ва-рахмату – Ллахи ва-баракятух» («И вам мир и милость Божья и Его благословение»), – ответил имам и улыбнулся. – «Вижу, что в мечеть привело тебя не только желание помолиться во славу и благодарность Аллаху. Скажи, что мучает тебя, чем заполнено твоё сердце».

Стоя на краю пропасти, в которую хотел бы провалиться от стыда, Кешаф вкратце рассказал об угрозах адвоката. Слушая его, имам, прикрыв глаза, подумал: «Поистине, лишь испытывая в жизни жестокие и болезненные удары, мы начинаем ощущать потребность в чём-то высшем, и тогда мы начинаем искать Аллаха», – и вслух спросил:

– Что ты намерен делать?

– Я верю во всемогущество Аллаха и хочу просить его...

– Просить? – перебил Кешафа имам. – Само понятие просить чего-либо у Аллаха является святотатством. Лучше поблагодари Аллаха за то, что ты проснулся в своей постели, ведь многие не имеют тёплой постели, а кто-то не проснулся вообще. Ты даже успел позавтракать перемяшками, запах которых распространяешь на километр вокруг себя, а многие не ели несколько дней. – После этих слов Кешаф покраснел как рак. – Благодарность помогает осмыслить каждый момент твоей жизни и радоваться тому, что ты жив, ты можешь видеть солнце

⁵ Михраб – ниша, перед которой обычно стоят верующие во время молитвы.

⁶ Минбар – кафедра, с которой имам произносит пятничную проповедь.

⁷ Шакирд – учащийся медресе.

⁸ Медресе – учебное заведение при мечети.

и луну, ты можешь слышать пение птиц и шелест листвы, ты можешь наслаждаться запахами весны и многим другим, что создано Аллахом. Слепая вера никогда не даёт спасения, тебе самому надлежит добиться его. В тебе самом заключено в тысячу раз больше, нежели во всех книгах, вместе взятых, и проповедях учёных мужей.

Для имама этот рассказ Кешафа не был большой неожиданностью. До него уже доходили слухи о несправедливых притязаниях власти к людям нетитульной национальности, инициированных адвокатской конторой «Вердикт» во главе с шайтаном в женском облике по имени Зинаида Баткрэк. В конечном итоге всякое дело заканчивалось взяткой для чиновников, где обычно «Вердикт» выступал посредником.

– Важно уметь смотреть на вещи шире. Даже в такой неприятной ситуации, как у тебя, можно найти плюсы. Например, сейчас ты сделаешь то, что должен был сделать давно, не надеясь на русский авось. Тебе нужно приготовить все документы, которые подтверждают твоё право проживать в этом помещении. Договорись с людьми, которые тебя хорошо знают, чтобы они дали тебе характеристику, которую ты заслуживаешь. Молись и ничего не бойся, Аллах с тобой. Запомни: величайший грех – это мнить себя слабым, нет греха больше этого. – Потом имам посмотрел на Кешафа поверх своих очков, как простой человек, хитро засмеялся и добавил: – Как говорят русские: «Англичанка гадит».

Через час Кешаф не вошёл, а влетел к себе домой. Это был сильный, убеждённый в своей правоте и решительный человек, готовый побеждать.

– Полина, где мои перемяшки?

– Перемяшки перед твоим носом, а что сказал имам?

– Англичанка гадит! – ответил жующий очередную перемяшку Кешаф и хитро засмеялся.

Как потом выяснилось, адвоката Зинку ограбил и пристрелил в её собственной квартире родной сын. Воистину сказано: «Сделай всё возможное, и Аллах сделает всё остальное».

Глава 4

Анфиса Яковлева

В пятницу, 3 июня 1853 года, в шесть часов утра из главного морского порта Англии, Портсмута, вышла плавучая тюрьма «Георг III». Корабль, взявший курс на Землю Ван-Димена (Тасмания), должен был доставить триста двадцать шесть каторжан в Порт-Артур – крупнейшую заморскую тюрьму Великобритании. Это была последняя доставка осуждённых преступников за пределы Британских островов. Среди пассажиров корабля был малолетний вор и убийца Уинстон Баткрэк (Winston Butcrack). Спустя три часа после выхода в открытое море пройдоха Баткрэк симулировал у себя приступ эпилепсии. Спасая жизнь Уинстону, с него сняли кандалы, подняли из трюма и отнесли в судовой лазарет, где больному была оказана медицинская помощь. Воспользовавшись временным отсутствием судового доктора, Баткрэк открыл иллюминатор и выпрыгнул за борт. Бегство осуждённого обнаружили лишь через час.

В условиях густого тумана и плохой видимости капитан корабля принял решение прекратить поиски беглеца. Кроме того, всем было известно, что в прохладной воде открытого моря человек гибнет от переохлаждения через двадцать-тридцать минут. В судовой журнал была внесена запись о случайной гибели осуждённого Уинстона Баткрэка. Каторжанин, несомненно, мог бы погибнуть, если бы совершенно случайно его не подобрал русский рыболовный траулер, промысляющий сёмгой в этих водах. Англичанина обогрели, накормили, снабдили одеждой и через три недели благополучно высадили в морском рыбном порту Санкт-Петербурга. Может быть, как память о своём купании в холодных водах Атлантического океана, а может быть, по какой-то иной причине, но у Уинстона на всю жизнь сохранился противный сиплый голос. Сейчас он оказался между небом и землёй: для Англии – он мёртв, а для России – не родился. Через месяц санкт-петербургский чиновник, «войдя в положение несчастного горемыки», «назло англичанам» и за небольшую мзду выдал Баткрэку паспорт подданного Российской империи. Так для английского россиянина Уинстона Баткрэка началась новая жизнь.

Баткрэк хорошо усвоил законы криминального Санкт-Петербурга и быстро влился в новую среду обитания. Единственной проблемой этого англичанина была генетическая нетерпимость и пренебрежение ко всему неанглийскому, или точнее ко всему русскому. Баткрэк, конечно, пытался над собой работать, но эта ненависть к России, а также заносчивость и чванство были непреодолимы – как говорится, «горбатого могила исправит». Хотя в этом случае могила вряд ли может исправить исконно английскую русофобию. Он был искренне убеждён, что всё человечество создано Господом Богом только для того, чтобы служить англичанам, и для этого все средства хороши. Баткрэк имел недостаток, который выдавал за достоинство, – он курил исключительно сигары и на это тратил все свои деньги. В один прекрасный день, накануне двадцатого года своего проживания в России, он выиграл в карты у одного местного «каталы» прощмандовку с сожжённой совестью по фамилии Налимарь, которая в среде портовых шлюх носила прозвище Вобла. Баткрэк снял скромную каморку в районе морского рыбного порта и начал жизнь семейного человека. Через год, во время родов его сына – Петра, умерла Налимарь. Баткрэк забрал из родильного дома только сына и отказался от тела жены, заявив, что у него нет денег её хоронить. Этой же ночью сторож родильного дома продал труп двум студентам мединститута за два рубля, а деньги пропил. Спустя три года в ходе криминальной разборки был зарезан сам Уинстон. Незаконнорождённый сирота Пётр Баткрэк не получил от своих родителей никакого наследства, за исключением сиплого голоса.

Рос Пётр под присмотром случайных людей, обитавших в грязных подворотнях порта. Здесь он встретил молодую проститутку – казахскую полукровку Илесу Казбекову по кличке Мамбетка, год назад приехавшую из Семиречья. В тот вечер Мамбетка взяла отгул после бур-

ной оргии с матросами траулера «Удача» из французского порта Брест. Между прочим, капитаном этого траулера был родственник и полный тёзка Жана Франсуа де Гало де Лаперуза, открывшего много лет назад пролив между японским Хоккайдо и русским Сахалином. В связи с этим французские матросы считали, что имеют право требовать от русских и японских шлюх скидку в цене за их услуги. Однако Мамбетка была непреклонна: «За удовольствие надо платить сполна». Эта практическая жилка Илеса понравилась Баткрэку. Между Петром и Илесой возникло то, что они называли высоким словом «любовь». Всё было хорошо до тех пор, пока Илеса не объявила, что ждёт ребёнка. Она давно мечтала вернуться домой, и этот ребёнок ей был не нужен, но Пётр настаивал на рождении дитяти. Они договорились на том, что Казбекова родит ребёнка и передаст его Петру на воспитание. Так и случилось: родившуюся девочку Илеса оставила отцу, а сама свободная и счастливая уехала в своё Семиречье, где вскоре была утоплена в горном озере Иссык недалеко от города Форт Верный.

Пётр назвал свою дочь Зинаидой. Однажды он случайно встретил недавно осиротевшую девушку Анфису Яковлеву – светлой души человека, которой трагически погибшие родители оставили в наследство небывалую роскошь – комнату в бараке рабочих Путиловского завода. Ради этой комнаты Пётр готов был сделать всё что угодно, лишь бы понравиться Анфисе, и даже принял православие. Добродушная Анфиса жалела отца-одиночку и его безвинно брошенное четырёхлетнее дитя. Скоро они обвенчались. Анфиса признала Зинаиду Петровну Баткрэк своей дочерью, а через год у них с Петром родился сын. Зинка гордо носила фамилию на английский манер и даже позже, выходя замуж, вначале не хотела её менять. Она, щеголяя своим английским происхождением, не подозревала, что слово «Баткрэк» означает ложбинку между ягодицами у человека и переводится с английского достаточно грубо – как «трещина жопы». Между прочим, католическая церковь называла это место на теле человека «вратами ада». Знающие люди утверждали, что над всей сатанинской фамилией Баткрэк висел рок проклятья.

Когда Зинке исполнилось четырнадцать лет, её изнасиловал пьяный родной отец. Но соседи, хорошо знавшие девицу, были уверены, что она родилась плёхой и сама совратила отца на этот грех.

Надо сказать, что папаша не испытывал угрызений совести по этому поводу. Во-первых, потому что у него была атрофирована та часть тела, которая отвечает за совесть. Во-вторых, он не воспринимал её как свою дочь или вообще как девочку. Он даже не воспринимал её как человека. Для него она была живая бессловесная игрушка – домашняя плосконосая обезьянка. Он так её и называл: «Моя обезьянка».

Хотя Природа и наградила Зинку женскими гендерными признаками, назвать её стопроцентной женщиной было трудно, поскольку, во-первых, у неё был ярко выраженный мужской кадык и, во-вторых, черты лица были явно мужскими. Лицом она напоминала трансвестита под макияжем. Кроме того, у неё совершенно отсутствовал лоб. Казалось, что волос на голове растёт из бровей, и, чтобы скрыть этот недостаток, ей приходилось опускать чёлку ниже глаз. Её короткие кавалерийские ноги, соединённые вместе, образовывали классический эллипс, что, конечно, не придавало ей привлекательности. Подавая себя блондинкой, она постоянно обесцвечивала свой волос, вследствие чего он рано начал выпадать. Завершал образ Зинаиды Петровны её стиль одеваться – триумф пошлятины и китча. Кроме того, Зинка родилась с симптомами промискуитета – тяжёлого психического отклонения, выраженного в патологически повышенном сексуальном влечении, когда беспорядочные, «обезличенные» половые контакты происходят компульсивно, даже с незнакомцами, с людьми любого возраста и пола, в том числе с близкими родственниками, с целью непрерывной смены сексуальных партнёров. У Зинаиды Петровны оно имело меркантильную форму, обусловленную непомерными материальными запросами. В просвещённой Европе это состояние получило название «мессалинизм» по имени Валерии Мессалины – третьей жены римского императора Клавдия, которая была

известна своим распутством, властолюбием и жестокостью. Зинаида Петровна получила эту неизлечимую болезнь по наследству от своих бабушек по отцовской линии. Известно, что её бабушки в нескольких поколениях промышляли проститутками в морском порту Портсмута. Они с детства учили своих дочерей всем премудростям мастерства, поскольку в то время конкуренция в этой профессии была очень высока. В ту пору Англия занимала первое место в Европе по количеству проституток на душу населения. К слову, это не мешало англичанам утверждать, что именно они являются образцом моральных принципов.

После смерти Мессалины римский сенат приговорил её имя к забвению, но дьявольский «мессалинизм» и впредь распространялся по миру со скоростью холеры. Через месяц после изнасилования «обезьянки», во вторник, 15 февраля, Пётр Баткрэк насмерть замёрз в канаве недалеко от дома, возвращаясь пьяным из кабака. Позже, пока Анфиса была на работе, Зинка надругалась над своим младшим братом, а вечером своим противным сиплым голосом смаковала детали этой подлости соседке по дому. Грязь этих подробностей ядовитыми змеями расплзлась по головам жителей округа. Мать Зинки – чистая, набожная женщина, узнав об этом позоре, ночь напролёт молилась своему Богу о защите души малолетнего сына от поругания и, проклиная Зинку, просила Бога лишить её права рожать детей. Она ещё не ведала, что Бог не слышит проклятий, проклятия слышит Сатана, и он всё сделает как надо.

С рассветом Анфиса навсегда бежала из дома вместе с обиженным сыном. Люди говорят, что она утопила ребёнка и погибла сама, но это неправда. Она не могла взять на себя этот грех. Она тайно отвезла до поры совращённого мальчика в мужской монастырь Владимирской епархии, известный более как Смоленско-Зосимовский пустырь, недавно восстановленный заботами наместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Павла после духовного запустения. Здесь мальчику дали новое имя, и дальнейшая его судьба не известна никому, кроме Бога, разумеется. Только ОН знал, что сын Анфисы, невинное дитя, родился в грязи семейного быта, пройдя через тернии низкого сознания людей, нёс свой крест праведника. Вскоре ребёнок был отогрет душевной теплотой монахов и, словно озёрное растение лотос, раскрылся божественным цветом чистоты и нравственности. Прошли годы, и после мученической смерти за свою веру, в период большевистского беспредела, он – страстотерпец, был канонизирован Русской православной церковью, а несчастная Анфиса, уехавшая послушницей в Бярянтинский Софийский женский монастырь Елецкой епархии, замаливала собственные грехи.

Зинаида Петровна унаследовала от своих предков сиплый голос, курение сигар и ничем не оправданную заносчивость. Не имея образования и не умея ничего другого, она оказывала платные услуги похотливым мужчинам. В основном это были прокуроры, судьи, адвокаты, полицейские и преступники всех мастей. Другими словами, наиболее алчная, безнравственная и коррумпированная категория граждан. Зинка «трудилась» много, в три смены, до сорока клиентов в сутки, за что получила псевдоним Обмылок. Однажды у Зинки-Обмылка случилась неожиданная беременность, что вызвало у авторитетных клиентов определённую тревогу, поскольку, во-первых, не знали, кто же отец ребёнка, но главное – что Зинка категорически боялась делать аборт. Посоветовавшись, авторитеты постановили: Зинке надо рожать, а ребёнка «повесить» на её клиента – Аркашу Огарка, пообещав ему должность советника в Управлении полиции Северной столицы. Огарок-каналья потребовал «венчание против должности», и пока утрясали вопрос о его назначении, родился мальчик-ублюдок. Его назвали Женей по настоянию известного налётчика Димона Шибяева. Считалось, и не без оснований, что именно Шибяев приходится биологическим отцом ребёнку. Димон взял на себя все финансовые затраты на взятки для назначения Огарка, благо в правоохранительной системе существует негласный, но всем известный прецедент кадровых назначений. Венчание молодых проходило быстро, ночью, в часовне богом забытой деревни, в присутствии свидетелей. За два червонца, литр самогона и жареного гуся в яблоках церемонию провёл пьяный священник.

Годы шли, и от беспутной жизни внешность Зинки стала заметно меняться. Она и в молодости не была красавица, но с годами стала похожа на жабу, хотя сравнивать Зинку с жабой – значит оскорбить божью тварь. Макияж и обесцвеченный волос делали её лицо просто отвратительным. За последнее время она сильно поправилась. Её, словно мавританскую невесту, разнесло до центнера с гаком, не меньше. Клиенты перестали её посещать, и она решила, что пора в своей жизни что-то менять. Вместе с мужем, как обычно мошенническим путём, она отжала небольшую адвокатскую компанию «Вердикт», которую в дальнейшем будут использовать как инструмент для передачи взяток от несчастных просителей к представителям Фемиды. Бандиты в складчину с чиновниками купили для Зинаиды Петровны дипломы об образовании и необходимые лицензии на работу в качестве адвоката. С этого времени Зинка-Обмылок преобразилась в Зинку-Адвоката.

Поставленный на широкую ногу конвейер мздоимства приносил значительный доход. Не доверяя мужу и банкам, Зинка хранила свои сбережения дома, купив для этих целей металлический шкаф, ключ от которого лежал в ящике туалетного столика её спальни. Аркаша также не доверял жене и банкам и на свои деньги тайно покупал у сотрудника Императорской рентерии, её ещё называют Бриллиантовым кабинетом Зимнего дворца, ворованные необработанные алмазы. Для четы Огарок это была лучшая форма вложений собственных средств. Алмазы Аркаша хранил дома в небольшом сейфе швейцарской работы, который был вмонтирован в стену его кабинета за дешёвой живописной подделкой на картину итальянского мастера Тициана, проданной Огарку очередным проходимцем по цене дорогого подлинника. Ключ от сейфа на серебряной цепочке всегда висел у него на шее.

В грязи повседневной жизни семьи Огарок незаметно рос Женя. Когда ему исполнилось восемнадцать, втайне от родителей он решил уехать в Америку – далёкую страну миллионеров. Он точно знал, что необходимо сделать для этого. Прежде всего, он справил себе три новых паспорта: один на имя очередного проходимца Смолина Анатолия Павловича, давнишнего клиента мамы, и два других – так, на всякий случай, – на вымышленные имена супругов Георгия Викентьевича и Марины Николаевны Тонинадер. Он знал, что отец тайно скупает алмазы.

Во время очередной встречи отца с продавцом алмазов парень узнал, где тот живёт. В тщательно рассчитанный день Женя явился к продавцу с предложением купить разом все алмазы, которые тот может продать, и по цене выше, чем платил ему отец. Если тот не согласится, обещал заявить на него и своего отца в полицию. На вопрос продавца: «Где вы, молодой человек, возьмёте такие большие деньги?» – он ответил коротко: «У своих родителей».

Продавец согласился и обещал назвать точную сумму сделки через три дня. Настало время решительных действий. Женя снял на имя Анатолия Смолина комнату недалеко от морского порта и дважды появился там, умышленно попадаясь на глаза соседям. Предварительно Женька гримировался под коммивояжёра средней руки. Потом он купил на блошином рынке подержанный чемодан и дорожную сумку, оборудовав их двойным дном. В чемодан он сложил самые необходимые вещи для простого коммивояжёра на несколько дней пути. Через три дня сумма сделки была озвучена, после чего Женя сказал: «Я уверен, что такая сумма у моих родителей есть». На что продавец заметил: «Зная ваших родителей, я в этом не сомневаюсь». Женя торопился закончить дело. Договорились совершить сделку на нейтральной территории в следующую субботу в десять вечера. Женя назвал адрес квартиры, которую он снял специально для этой сделки. Это был район морского порта, где сдают квартиры «по часам» для интимных встреч моряков с портовыми шлюхами. На следующий день коммивояжёр Анатолий Смолин купил билет во второй класс на пароход до Ливерпуля, отплывающий в следующее воскресенье в шесть часов утра. Кроме того, был куплен билет в купе первого класса на имя Огарка Евгения Аркадьевича на поезд Петроград – Москва, отбывающий в субботу в девять вечера.

В субботу в три часа пополудни, как обычно, «дружная» семья Огарок обедала вместе дома. Работающая у них добросовестная повараха сегодня подала на обед куриный суп с лапшой и запечённую баранью ножку с картошкой, жаренной «по-домашнему». Ещё было: винегрет, заправленный прованским маслом, холодная буженина, козий сыр, квашеная капуста, мочёные яблоки, маринованные огурцы и помидоры. Всё было приготовлено вкусно, но для семьи это не имело значения. Они не умели наслаждаться жизнью, в том числе и едой. Им было всё равно, что есть и как. Для них приём пищи была обязательная процедура по заполнению желудка, а сама жизнь – бизнес-проект.

Родители выпили по несколько больших стопок водки. Несмотря на действующий в России с 1914 года сухой закон, в их доме всегда было несколько бутылок лучшей московской водки – «Московская особенная». Всю прислугу, как обычно по субботам, отпустили домой до понедельника. Никаких особых мероприятий на эти выходные не планировали.

Обед прошёл спокойно, без ругани и упрёков. Родители, как всегда, разбрелись по своим комнатам на двухчасовой послеобеденный сон. Через минуту в комнату к отцу вошёл сын Женька и без лишних слов всадил ему в сердце итальянский стилет, снятый накануне со стены отцовского кабинета. Удар был смертельный, недаром Женя целую неделю его отработывал. Не вынимая кинжала из трупа, сынок занялся папиным сейфом. Всё оказалось очень просто: ключ висел на отцовской шее, на серебряной цепочке.

Женька достал из сейфа бархатный мешочек с алмазами, золото в слитках общим весом шесть килограмм и баночку чистейшего героина около восьмисот граммов. Всё это аккуратно сложил в свой саквояж, закрыл сейф и повесил ключ на прежнее место. Затем достал из оружейного шкафа подарочный вариант американской двустволки Remington. Таких ружей в России всего шестнадцать штук. Они были изготовлены в 1910 году в США специально по заказу российского торгового дома. Все они разошлись на подарки нужным людям. На этом ружье была гравировка: «Господину Огарку – самому честному человеку России». Женька достал из кармана два накануне купленных патрона, снабжённых английской калёной картечью марки «АААА» 6,35 мм, и зарядил ружьё. Он вошёл в спальню своей матери без стука. Зинка крепко спала голый, широко разбросав конечности, в позе упавшей навзничь дохлой садовой жабы. Её художественный храп разносился по всей квартире. Держа в одной руке ружьё, а в другой подушку, сын Женька тихо подошёл к своей маме. Он осторожно подставил ствол к её миндже и хладнокровно, дуплетом всадил маме английскую картечь, превратившую Зинкины внутренности в фарш. Одновременно Женька накрыл её лицо подушкой на тот случай, если мама вдруг не умрёт сразу, а начнёт кричать. В этом он не ошибся: Зинка действительно не умерла сразу, и сквозь подушку был слышен её предсмертный хрип. Сынок сел верхом на её лицо, дожидаясь, пока мама не испустит дух. Он наблюдал, как из неё медленно, словно лава маленького вулкана, выползала плотная пузырящаяся болотная масса, на запах которой тотчас слетелись синие мухи-падальщицы. Наконец предсмертная агония – и мама затихла.

– Ну, вот теперь я круглый сирота, – вслух пошутил Женька Огарок.

У него было приподнятое настроение, потому что всё прошло хорошо: выстрел вряд ли кто-то слышал, а значит, времени достаточно, чтобы собраться в дорогу. Он открыл мамин денежный шкаф, благо не первый раз, и аккуратно сложил купюры в банковской упаковке в свой саквояж. Из маминых ювелирных изделий забрал лишь самые ценные. Затем он собрал по дому все свои фотографии и сжёг их в камине. В отдельный пакет он завернул хорошую закуску для ужина двоих мужчин, пару тарелок, вилки, два стакана. В бутылку водки «Московская особенная» через пробку иглой и шприцем он залил приличную дозу разбавленного в водке героина. Убедившись, что на пробке нет повреждений, сложил бутылку и закуски в саквояж. Уходя, он «случайно» оставил на полу своей комнаты оплаченный счёт на железнодорожный билет первого класса до Москвы на воскресенье.

Было около восьми часов вечера, когда Женька вышел из квартиры через чёрный ход для прислуги. В это время в Петрограде уже темно, и он незамеченным прошёл в квартиру, снятую на имя Анатолия Павловича Смолина. Здесь он спрятал в двойном дне чемодана золотые слитки и алмазы, а также часть денег, которые не нужны в предстоящей сделке.

Ровно в десять часов вечера он подошёл к квартире, которую снял для покупки алмазов. Здесь его уже ждали два человека.

– Кто это? – спросил Женька продавца алмазов.

– Не беспокойтесь, это мой брат, – прошептал продавец. – Сами понимаете, сделка крупная, нужны гарантии безопасности. Мой брат в курсе всех дел, да и к тому же это он работает в Алмазном фонде.

– Ну что же, правильно, – согласился Женька. – Идёмте, закончим дело.

Операция купли-продажи ворованных алмазов на преступные деньги длилась недолго. Братья тщательно пересчитали все деньги и здесь же, поделив их поровну, рассовали по своим карманам.

«Всё-таки Россия великая страна, у неё всего много – и несчитанных алмазов, и идиотов, которые поручают откровенным жуликам их охранять в Алмазном фонде», – подумал Женька, глядя на довольные физиономии братьев.

– Если всё в порядке, как говорится: по стаканчику – и разбежались, – не ожидая комментариев, сказал Женя, вынимая из саквояжа хорошую закуску и бутылку дефицитной водки.

– Я вижу, вы предусмотрительный человек. И откуда у вас это сокровище в наше безалкогольное время? – кивнул на бутылку продавец алмазов. – Хотя, зная ваших родителей, мой вопрос неуместен, – заключил он.

– Я не всё предусмотрел. Видите, я принёс лишь два стакана – мне и вам, а вы пришли с братом, так что пить будем по очереди. Открывайте бутылку и разлейте по стаканам себе и брату, но только так, чтобы и мне осталось, а я пока приготовлю закуску, – весело заметил Женька.

– Ну уж как получится, – поддержал шутку продавец алмазов, разливая по стаканам водку. Братья взяли по солёному огурчику и, чокнувшись по русскому обычаю, опрокинули в себя по полному стакану дефицитного напитка. Они повалились на пол почти одновременно. Женька всё правильно рассчитал: они отключились надолго, но не умрут. Ему невыгодно их убивать. Эти два идиота не будут на него заявлять в полицию, но ему хотелось, чтобы они беленились от своего бессилия.

Женька хладнокровно вынул из карманов братьев деньги и снова сложил их в свой саквояж. Также убрал в саквояж снедь и посуду, а стол вытер шапкой одного из братьев. Уходя, он ещё раз обвёл взглядом комнату и, довольный собой, покинул помещение.

Через полчаса коммивояжёр Анатолий Смолин вышел из своей комнаты с небольшим свёртком, в котором лежала одежда Жени Огарка, и направился в ближайший трактир ужинать. По дороге он незаметно сунул свёрток в бочку с горящими дровами и мусором, каких по Петрограду в это время было много. Ужин был скромный, по карману коммивояжёру. Через час Смолин вернулся домой собираться в дорогу. На следующее утро, в воскресенье, ровно в 6:00 длинным гудком пассажирский пароход «Королева Виктория» возвестил о том, что отправляется из Петрограда на Ливерпуль. На верхней палубе левого борта стоял довольный собой молодой человек, согласно судовым документам – коммивояжёр Анатолий Павлович Смолин, и смотрел на спящий Петроград. Он был уверен, что Женька Огарок со всеми своими грехами остался в России, а миллионера Анатолия Смолина ждёт распрекрасное будущее сначала в Англии, но потом, конечно, в Америке – хрустальной мечте его детства.

Тотчас по прибытии в Ливерпуль Смолин посетил несколько обменных пунктов, в которых обменял маленькими суммами, чтобы не привлекать внимание, все свои российские рубли на английские фунты стерлингов. Затем он отправился в Ливерпульское отделение Halifax

Bank of Scotland, потому что знал – это самый старый банк Англии, основанный ещё в 1695 году и абсолютно надёжный. Он положил на хранение часть своих денег, а также алмазы и мамины драгоценности. На третий день ожидания американской иммиграционной визы и парохода на Нью-Йорк Смолин, прогуливаясь по живописным улочкам Ливерпуля в районе Royal Albert Dock, заглянул в ирландский бар, каких здесь немало.

– Мне пиво и что-нибудь из закусок, – сказал он на своём английском, садясь за барную стойку.

– Может быть, лучше водки? У бармена есть «Московская особенная», – по-русски прошептала подошедшая красотка с бюстом, не влезавшим в бюстгальтер.

– Вы хорошо говорите по-русски, – пропел Смолин, оценивая размер бюста незнакомки.

– Так же, как и вы. Марина Николаевна! – Она сунула под нос Смолина свою пухлую белую ручку.

– Не может быть! – воскликнул Женя. – Вас действительно зовут Марина Николаевна?

– Да, почему вы удивляетесь, что в моём имени особенного?

– Конечно, ничего особенного нет. Может быть, позже я вам расскажу, почему я удивился. Меня зовут Георгий Викентьевич. Ой, то есть Анатолий Павлович Смолин, – он поцеловал даме ручку.

– Так всё же Георгий Викентьевич или Анатолий Павлович? – подмигнула Марина Николаевна покрасневшему как рак Смолину.

– Анатолий, – пролепетал Смолин.

– Толик, угостите девушку водкой, – качнула грудями Марина Николаевна.

В полночь вдребезги пьяный Смолин, буквально уткнувшись носом в подмышку Марины Николаевны, прогуливался по пирсу, где она, польстившись на Толин кошелёк, «без шума и пыли» придушила «коммивояжёра» его же шёлковым шарфом. В карманах убиенного она нашла набитый купюрами кошелёк и три паспорта, открыв которые поняла, почему удивился покойный, услышав её имя.

– Наверное, так судьбе угодно, чтобы у меня появилось новое имя и чистый паспорт, – пробормотала себе под нос Марина Николаевна. – Теперь я спокойно могу отправиться в Париж – мировую столицу любви.

В эту минуту она ещё не знала, что линия жизни сведёт её в борделе Парижа «Ле Шабане» с Аидой Бурмистровой – дочерью агента ВЧК по кличке Лиса, и Татьяной Рязановой – любовницей Бритина. Марина Николаевна спустила труп Смолина в реку Мерси у одного из домов знаменитого Royal Liver Buildings.

Так бесславно, не оставив после себя следа, закончился жизненный путь семьи Огарок. Вероятно, молитвы безгрешной сестры Анфисы дошли до Бога, который сделал так, чтобы навсегда искоренить зло по имени Огарок. Аминь.

Глава 5

Дочь Ромео и Джульетты

Младшую дочь-поскрёбыша из трёх дарованных Господом Богом ключарю Верненского Свято-Вознесенского кафедрального собора, протоиерею Александру Серову звали Авдотья. За маленький рост, искренность и добросердечный нрав люди ласково звали её Дуняша – Аленький Цветочек. Мягкий характер делал её абсолютно не защищённой от негативных стечений обстоятельств и трудностей, которые часто преследуют обычных людей. Поэтому родители, безмерно любящие шестнадцатилетнюю Дуняшу, уберегая её от будущих перипетий жизни, формировали у взлелеянной дочери желание посвятить себя служению Христу.

Поскольку в православной традиции не допускалась ординация⁹ женщин, родители готовили девушку к браку с православным священником. Кандидатом в мужа Дуняши был выбран алтарник местного собора Александр Бритин. Шура по рождению – «праздничный ребёнок», потому что был зачат пьяными родителями в праздничный день. Через неделю протрезвевшая мать случайно увидела, как ещё пьяного папашу намертво загрызли бродячие собаки. С тех пор она патологически боялась собак и даже собачьего лая.

Через семь месяцев на свет без приглашения явился мальчик и был отвергнут обществом и собственной матерью. Однажды поздно вечером лежащий у сточной канавы младенец был случайно найден мещанином Яковом Бритиным и принесён в сиротский дом. Ребёнка принял ночной сторож – пьяница Шурка. Он же в свою честь назвал мальчика Шурой. Отчество Шура получил от своего «отца-спасителя» – Яковлевич, и был наречён Александром Яковлевичем Бритиным. Внешне он походил на своего отца: низкий лоб, широкие густые брови и глубоко посаженные глаза. Когда Шура сердился и морщил лоб, его лицо принимало вид морды примата. Кроме того, он шепелявил, что было причиной насмешек мальчишек. Ко всему прочему, от рождения он смертельно боялся собак и даже собачьего лая.

Природа наградила Шуру недюжинной силой, и он нередко пользовался ею, утверждая себя среди других обитателей сиротского дома. По достижении десятилетнего возраста, слава богу, он обрёл понимание и милость со стороны христианской церкви и был взят в услужение. Плод нелюбви, Бритин всю свою жизнь ненавидел окружающее общество и даже к защитнице-церкви относился без должной благодарности и почтения. Единственным объектом его любви было золото. Шура патологически любил золото, даже не подозревая о том, что эта болезнь – наиважнейший признак Антихриста.

Живя в окружении золотых изделий – парфинария православного храма, он мог часами сидеть, упёршись взглядом в какую-нибудь позолоченную чашу или блюдо, и даже святой крест целовал, думая только о том, что тот был золотым. Он, конечно, знал о планах родителей Дуняши относительно него и уже строил радужный замок своего светлого будущего. Поэтому свою клиническую мизантропию старался на глазах не проявлять, и это ему удавалось. Бритин был полной противоположностью Дуняши – шумный, грубоватый и категоричный в суждениях мужлан. Будучи старше на четыре года, он не блистал умом, зато с лихвой был «одарён» ничем не оправданным гонором. Кроме того, Шура грешил, не в меру прикладываясь к рюмке, и не только на Пасху. Однажды, будучи во хмелю, он допустил рукоприкладство к убогому слепцу, просящему милостыню у входа в храм. Этот богопротивный поступок был осуждён, и на сего церковнослужителя было наложено прещение на длительный срок. Правда, позже алтарник Бритин принёс достойные плоды покаяния, и прещение было снято с него досрочно. Нельзя сказать, что родители не замечали разницы в характерах, взглядах и привычках моло-

⁹ Ординация женщин – возведение женщин в духовный сан с правом предстоять при богослужении и таинствах.

дых людей, однако они были уверены, что от алтарника народятся здоровые детки, а это главное в семейной жизни. То, что у Дуняши не было к Бритину любви – так у кого она нынче есть?

Отец Александр стремился всячески образумить Шуру и посему заставлял его переписывать от руки некоторые важные ритуалы богослужения и уместные случаю места Священного Писания. Кроме того, он дал своему будущему зятю благословение на учёбу в Омской духовной семинарии Омской епархии. Отец Александр был уверен, что Александр Яковлевич Бритин, находясь подальше от соблазнов, получит образование священнослужителя Русской православной церкви и правильное сибирское воспитание. Все были уверены, что Шура скоро вернётся нормальным человеком и достойным женихом для Дуняши.

Ранним сентябрьским утром 1916 года жена отца Александра вместе с дочерьми в компании ещё четырёх семей небольшой колонной выехали в приграничный город Хоргос на ежегодную осеннюю русско-китайскую ярмарку. У каждой семьи были собственные цели этой поездки, но все планировали вернуться в Форт Верный, как обычно, через три дня. Ярмарка – не только место для покупок, но и народные гуляния с музыкой, танцами, качелями, сладостями и заезжими циркачами. В кои-то веки строгий батюшка решил устроить своим небалованным дочерям праздник.

В Хоргос прибыли к обеду. Бивуак решили разбить на окраине на берегу небольшой речки. Старшие принялись хлопотать по хозяйству, а Дуняшу с сёстрами отпустили погулять с условием вернуться засветло, к ужину. Оставив своих сестёр кататься на карусели, Дуняша решила где-нибудь перекусить. Позже, вспоминая этот день, она не могла объяснить, чем был вызван этот невероятный для неё поступок – оставить сестёр, чтобы одной пойти в ресторан. Направляемая провидением Дуняша впервые в жизни переступила порог ресторана.

Это был скромный ресторанчик с отменной китайской кухней. Она вошла ровно в ту минуту, когда в углу освободился двухместный столик, единственный накрытый домотканой скатертью зелёного цвета.

– Что будете заказывать? – спросила подошедшая официантка.

– Всё самое вкусное, – прозвучал бодрый голос рослого, в барашек курчавого красавца, вышедшего из-за её спины. Он без приглашения плюхнулся на стул напротив Дуняши. Официантка вопрошающе взглянула на неё.

– Угу, – нечленораздельно согласилась девушка, заметно краснея.

Официантка с дежурной улыбкой на каменном лице, держа взгляд на девушке, предложила меню:

– У нас на первое манпар.

– По полпорции, – вставил парень.

По выражению лица девушки официантка поняла, что он в доме главный и возражений не будет. Тогда она повернулась к молодому человеку и продолжила:

– Фунчоза.

– Холодная, – добавил тот, получив молчаливое согласие Дуняши.

– Самса.

– Мне с джусаем, – внесла свою лепту Дуняша.

– А мне с бараниной, – сделал заказ парень.

– Гуйру лагман... – Официантка взглянула на посетителей, ожидая комментариев.

– Мне маленькую, – попросила Дуняша.

– А мне самую большую, – пропел юноша, сверкая белозубой улыбкой, и добавил:

– Ещё варёное яйцо желтком наружу и лазджан.

– Эй, а ты не лопнешь? – дерзко глядя ему в глаза, спросила Дуняша.

Это «эй» от молодой русской девушки произвело на парня сильное впечатление. Он давно привык, что молоденькие, все как на подбор симпатичные казашки в его присутствии

опускают глазки, демонстрируя чистоту и покорность мужчине – главные качества будущей невесты.

– Чай красный или зелёный? – подвела черту официантка.

– Мне зелёный, – одновременно ответили оба посетителя и рассмеялись.

За эти несколько минут, пока они делали заказ, Дуняша смотрела на сидящего напротив улыбающегося юношу и была бессильна оторвать от него свой взгляд. Между молодыми людьми сверкнула неведомая им до сих пор искра любви с первого взгляда. Именно так в жизни бывает, когда приходит настоящая любовь, коснись вы друг друга лишь одним только взглядом. Если бы Уильям Шекспир жил в Семиречье, он бы первую встречу Ромео и Джульетты назначил в этом ресторанчике. Но Шекспир никогда не был в Хоргосе, да и драматурга с таким именем никогда на свете не было, а такая любовь, как у Ромео Монтеки и Джульетты Капулетти, может возникнуть не только в итальянской Вероне, но где угодно, и, конечно, в Семиречье тоже. Не снимая обворожительной улыбки, молодой человек протянул девушке руку для знакомства:

– Меня зовут Азат.

– А меня Дуняша, – перебросив через плечо роскошную светло-русую косу в пояс, откликнулась девушка и сунула свою ладошку в его пригоршню. Парень, не теряя времени даром, ринулся завоёвывать сердце красавицы. Ещё удерживая её тёплую бархатную ручку, он сообщил:

– Я буду звать тебя Пятница.

– Потому что встретил меня в пятницу, как Робинзон Крузо?

– О Аллах! Какой ещё Араб-зон Пузо?

– Робинзон Крузо. Это моряк из Ливерпуля. Его судно попало в шторм и потерпело крушение в Тихом океане у южного побережья Чили. Робинзона выбросило на необитаемый остров, где он прожил четырнадцать лет. Потом в пятницу на этот остров дикие индейцы привезли человека, чтобы зажарить и съесть, а Робинзон его спас, и они подружились. Робинзон звал индейца Пятница.

– Какие ужасы ты мне рассказываешь. Я буду звать тебя Пятница, потому что я казах, а не Араб Пузо. Для казахов пятница счастливый день, и тебя я встретил в счастливый для меня день и никому не дам тебя зажарить. Может быть, к «пятнице» буду добавлять слово «жаным», что означает «душа моя».

– Ну ладно, пусть будет жаным Пятница! – рассмеялась Дуняша, и на её щеках тотчас появились восхитительные ямочки.

– Азат – это обычное мусульманское имя. С арабского переводится как «независимый». У армян тоже есть такое имя, оно означает «помещик».

– Как ты здесь оказался на мою голову, независимый помещик?

– Нет! Я не помещик. Мы кипчаки, вольный народ, люди шатров. Мы с братьями приехали на ярмарку. Я сбежал от них до вечера.

Азат был убеждён, что нравится девушке, и он решил закрепить первый успех, продолжая демонстрировать свои познания:

– Это ещё не всё, – он поднял указательный палец, – во дворце персидского царя жил евнух, которого звали Азат Персидский. Он был умным, добрым человеком и никогда не врал. Это самые главные качества, чтобы тебя ненавидели дворцовые блюдолизы. Царь очень любил Азата и выделял его перед другими, именно поэтому завистники Азата долго терпеть этого не могли, и однажды, собравшись вместе, они решили обвинить Азата в том, что он тайно исповедовал христианскую веру. Хотя никакой тайны не было. Это был чистейший наговор. Азат не скрывал своей веры, потому что ничего дурного в этом нет. Но злые люди подковёрными интригами добились казни Азата за его христианскую веру и, чтобы дважды не вытирать саблю, отрубили головы ещё тысяче персидских христиан. После этого случая христиане

объявили Азата святым. С тех пор католики всего мира 22 апреля отмечают как День памяти Азата Персидского! – здесь молодой человек сделал паузу, чтобы насладиться произведённым на девушку впечатлением.

– Ну и откуда берутся святые евнухи христианской веры, которые работают независимыми помещиками? – заливалась детским смехом Дуняша, будучи не в силах скрыть свой восторг от общения с этим парнем.

– Мои предки пришли сюда с левобережья Ангары, – Азат не унимался соблазнять невинную девушку.

– А где это?

– Точно не знаю, кажется, где-то в Сибири.

– Ты что, не казах, а монгол?

– Смешная ты! – рассмеялся Азат. – Монгол – это не национальность. «Мынкол» переводится как «тысячная рать». Это слово придумал Чингисхан, а дремучие европейцы сделали из этого национальность, – смело предположил он. – Наш род имел свои земли от реки Енисей до Байкала. Я прямой потомок великого воина Аттилы, – Азат поднял указательный палец вверх. И через секунду добавил: – Он весь мир покорил.

– Кто тебе сказал?

– Мой отец. Все кипчаки это знают. Конечно, каждый кипчак имеет кучу своих тараканов в голове, которых с ходу не поймёшь, но у всех нас есть гордость, смелость, выносливость и...

– Скромность, – добавила Дуняша, пряча улыбку.

– Нет. Чего нет, того нет, – принял шутку Азат. – Зато мы не лицемеры, не любим всякие интриги. Нас на лесть не купишь.

– А ещё вы не любите домашнюю работу и обожаете командовать другими.

– Кто тебе это сказал?

– Мой папенька.

– Кажется, он прав.

– А ещё он сказал, что все кипчаки имеют страсть к грабежу и насилию. Даже в вашем Коране есть специальная сура, которая оправдывает военную добычу. Однако на тебя это не похоже.

– Да-а, – протянул Азат, – меня Аллах миловал. От своих предков я взял только хорошие поступки. Мой отец говорил, что мы должны помнить своих предков, в этом наша сила. Даже римляне боялись Аттилу и звали его Бич Божий, – вернулся к «козырной» теме Азат.

– И мой папенька рассказывал, что ваш Аттила хороший человек, потому что всегда покровительствовал православным христианам. Болгарские христиане до сих пор гордятся тем, что Аттила их предок.

– Я ничего не знаю про болгар, может, это и правда. А вот кипчаки хорошие люди.

– А ты?

– Я тоже хороший человек.

– Это я поняла. Ты христианской веры?

– Нет. Я правоверный мусульманин.

– Значит, ты умеешь обманывать.

– С чего ты взяла?

– Мой папенька говорил, что ислам одобряет ложь. А ваш мусульманский богослов Аль-Табари говорил, что «ложь – это грех, но не тогда, когда она служит на благо мусульманину». Это правда?

– Я этого точно не знаю. И о твоём Аль-Табари никогда не слышал.

– И ваш пророк Мухаммед говорил, что ложь и лжесвидетельство – большой грех, но разрешён в четырёх случаях.

– И в каких же?

– Во-первых, мусульманин может солгать для спасения своего имущества, своей жизни и чести в случае нападения врагов. Во-вторых, ложь допустима, когда надо помирить мужа и жену или два народа. В-третьих, ложь дозволена на войне для достижения превосходства над врагом, в-четвёртых, допускается ложь мужа, сказанная жене с целью сохранения благополучия семьи.

– Ну хватит перечислять.

– А других причин обмана пророк Мухаммед и не называл. Только эти четыре.

– Ну и слава Аллаху.

– А правда, что у вас ложь во имя ислама зовётся такийя, а утаивание части правды – китман?

– Ну и что? Ты хочешь сказать, что русские никогда не врут?

– При чём здесь русские. Я говорю о христианах. Христиане бывают разных национальностей, и они не должны врать никогда. Христианская вера учит, что ложь – большой грех, и даже в Святой Библии сказано: «Не будет жить в доме моём поступающий коварно; говорящий ложь не останется пред глазами моими».

– Выходит, что только мусульмане должны всех обманывать, а христиане белые и пушистые?

– Во-первых, не должны, а могут, и только тогда, когда мусульманину это выгодно. И потом, не одни христиане, но и большая часть мировых религий считает ложь большим грехом. Например, я читала четыре благородные истины в буддизме, и там говорится, что человек должен идти путём самодисциплины, избегая в том числе лжи – несправедливой речи. Ты хотя и мусульманин, но я тебе доверяю.

– Почему?

– Не знаю. Мне кажется, что ты не будешь меня обманывать. Правда?

– Конечно, правда. Я человек бесхитростный, я кипчакский воин – мамлюк. Мамлюки не любят всякие фигли-мигли, а свои проблемы всегда решали открыто и только силой.

– И ты такой же?

– Нет, я человек мирный, и у меня хороший характер. Один наш близкий родственник – мамлюк Бейбарс, даже был султаном Египта и жил во дворце, в Каире. Это он спас Египет от нашествия крестоносцев. Ты что, мне не веришь? – Азат поймал тень сомнения в глазах девушки.

– Верю. Я тебе верю, – искренне заявила Дуняша и, улыбаясь, спросила: – Ты, случайно, сам не собираешься в Египет?

– Нет. Я наше Семиречье люблю. Бейбарс умер в 52 года и похоронен в сирийском городе Дамаске, – продолжал набирать очки молодой человек, – представляешь, его отравил родной сын, принц Малик-Кахер. – Азат потупил взор и добавил: – Вот же гад. Как это вообще возможно, ведь родной сын.

– Малик – это никогда не улыбающийся ангел ада. Тот самый, который хранит ключи от преисподней.

– О Аллах! Пятница, откуда ты всё это знаешь?

– Книжки про ислам читаю, папенька рекомендовал. Он говорил, что в разных религиях надо искать не различия, а единство, и стремиться объяснять это людям. Да и мне самой интересно.

– В одном хадисе, кажется, в 2606-м, написано, что самое непристойное имя в Судный день перед Аллахом будет у человека, которого зовут Малик аль Мулюк.

– Мой папенька говорил, что предательство существовало всегда. Предательство в крови у всех нас. Например, Иуда Искариот... – Дуняша на минуту о чём-то задумалась и закончила фразу: – Что там смертный человек, ведь даже ангел предал Бога.

– Это как?

– У Бога был любимый ангел, лучезарный красавец Люцифер, и однажды он продал свою душу Дьяволу. Правда, он сделал это ради новых знаний, а не ради славы, власти или денег, как делают это смертные люди.

– Вообще-то мы, кипчаки, не такие, – Азат смотрел в глаза девушки. – Этот Малик-Кахер просто выродок какой-то. Когда Наполеон захватил Египет, он себе личную охрану из мамлюков набрал. Это были преданные присяге воины и с Наполеоном все его походы прошли. И в Москве были, и до конца его дней с ним оставались. А ещё...

– Хватит хвастать своими родственниками. Я тебе и так верю.

– Просто хотел сказать, что я тоже умею держать слово. К тому же я очень даже не евнух, легко могу жениться и народить детей.

– Таких же красивых, как ты?

– Мальчиков – да. А девочек таких же красивых, как ты.

– Я согласна, – заглянув в глаза Азата, заявила вконец осмелевшая Дуняша.

Отгородившись от остального мира, двое молодых и счастливых людей сидели в уютном углу китайского ресторана за двухместным столиком, единственным накрытым домотканой скатертью зелёного цвета. Они ели вкусную еду, болтали всякие глупости, смеялись и, глядя друг другу в глаза, наслаждались общением. Так начиналась любовь семиреченских Ромео и Джульетты.

Дуняша и Азат были уверены, что вся Вселенная вместе с ними радуется жизни. С этого момента они не расставались более чем на три дня в течение следующих шести месяцев. Втайне от родителей и близких они встречались три раза в неделю, а последний месяц – практически ежедневно. Чаще всего они уезжали за город, в открытую степь, в сторону реки Или, либо поднимались в горы, в урочище зажиточного казаха Медеу Пусырманова – слава богу, он это позволял. Гуляя, взявшись за руки, они говорили друг другу проникновенные слова, строили планы на будущее и даже целовались. Словом, они делали всё то, что делают чистые в своих помыслах влюблённые юноши и девушки.

В воскресенье, 25 марта 1917 года, на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, Дуняша и Азат встретились на своей секретной полянке на берегу горной речки Бутаковки. В этом месте Бутаковка впадает в речку Кузнецовскую, которая берёт начало с высокогорных Туяк-Суйских ледников и протекает через урочище казаха Медеу. Сливаясь, они образуют стрелку, на которой, кстати, находились дачи губернатора и архиерея. Дачи и полянку влюблённых разделяет Крестовая гора, поросшая вековыми тянь-шаньскими елями, которая делает это живописное место по-настоящему секретным. Сегодня они обсуждали план, как и когда они оповестят своих родителей о том, что собираются жить вместе. Так же как и в трагической веронской истории, наши влюблённые вряд ли могли бы рассчитывать на понимание родными их чувств. Для отца Дуняши, православного священника, все местные магометане – недавние язычники, суть заблудшие овцы, безграмотные дикари, для просвещения которых требуются годы и годы упорного труда. Кроме того, они все черноглазые, а их взгляд на малолетнего ребёнка всегда ведёт к сглазу и порче. Для отца Азата, правоверного мусульманина, все гяуры, которые носят на шее крест, – дети шайтана. Они едят свинину и молятся в церквях, украшенных портретами неизвестных людей. Кроме того, они все синеглазые, а их взгляд на малолетнего ребёнка всегда ведёт к сглазу и порче. Дуняша и Азат знают, что их отцы вряд ли согласятся на их брак. Они знают, что ни православная церковь, ни исламская мечеть не будут освящать их союз. Это были непреодолимые препятствия. Веронские влюблённые – Ромео и Джульетта, столкнувшись с подобным непониманием близких, решили вместе уйти из жизни. Семиреченские влюблённые решили несмотря ни на что жить вместе.

Дуняша смотрела на Азата во все глаза и, не отрывая взгляда, прошептала:

– Я хочу, чтобы мы поклялись кровью.

– Чьей кровью?

– Нашей, конечно. Я читала в одной книге, что самая страшная клятва – это клятва кровью. Конечно, можно и на кресте, но ты не крещёный. Тогда остаётся только кровью.

– Что же ты хочешь мне отрезать и почему вообще тебе в голову пришла эта безумная мысль?

– А вдруг ты меня променяешь на другую? Многие мужчины так делают, особенно мусульмане.

– Ну хорошо. Если мне придёт в голову такая мысль, тогда и отрежешь... чего-нибудь.

И оба они заразительно рассмеялись.

О своём решении жить вместе Азат и Дуняша скажут отцам на следующий день, вечером.

– Сегодня для нас очень важный день, – торжественно произнесла Дуняша, глядя на жениха так, как смотрят православные люди на икону с ликом Богородицы, – сегодня мы решили жить вместе, и я хочу подарить рубашку, которую шила специально для тебя, ни минуты не переставая молиться. Это рубашка-оберег, здесь в каждом стежке вшита чистая энергия моей любви к тебе. Надевай её в трудные минуты своей жизни, она даст тебе магическую силу. – Дуняша слегка присела, изображая викторианский книксен, учтиво опустила голову и, высоко подняв руки, подала остолбеневшему Азату аккуратно сложенную льняную косоворотку со вставкой, оформленной казахским орнаментом. После того как Азат пришёл в себя от столь неожиданной церемонии вручения подарка, он деликатно, двумя пальчиками, приподнял подбородок девушки и, глядя на неё влюблёнными глазами, сказал:

– Спасибо тебе, счастье моё Пятница. И у меня есть для тебя подарок. Правда, не я его мастерил, но он сделан специально для тебя и других таких на свете больше нет. Он тоже наполнен моей любовью к тебе. Ты носи его всегда, когда захочешь. – Он достал небольшую коробочку, отделанную бархатом цвета спелой вишни. В коробочке лежал серебряный, 925-й пробы, гарнитур «Бесблезик», известный в Европе как «Роза руки». Он имел сквозную резьбу тонкой работы и рельефную чеканку с тотемным орнаментом рода кипчаков. Дуняша примерила украшение.

– Нравится? – спросил Азат, довольный реакцией невесты.

– Очень, – ответила сияющая Дуняша.

Неожиданно Азат подхватил её на руки, словно маленького ребёнка, и крепко прижал к груди, боясь уронить эту величайшую драгоценность:

– Не знаю, что я такого сделал в жизни, но Аллах подарил мне тебя, Пятница. Я боюсь потерять тебя. Ты моя. Ты только моя.

Дуняша обнимала Азата за шею и, наклонившись, прошептала ему на ухо:

– Я твоя на веки вечные. Всё, что бы я ни делала, – это творишь ты. Понятий «я» и «моё» для меня больше не существует. Я тебе предана и отдаюсь без остатка. Тебе передаю мои мысли, чувства и плоть. И этот путь преданности тебе для меня естественен и приятен. – Она раскрытой ладонью нежно погладила Азата по щеке. Этот ласковый жест она будет повторять тысячи раз, желая показать Азату свою любовь. Потом она посмотрела ему в глаза и с лёгкой тревогой в голосе спросила:

– А ты мой? Только мой?

– Понять не могу, что со мной случилось, но после встречи с тобой я хочу быть твоим и только твоим, милая моя Пятница-жаным. И мне всё время хочется носить тебя на руках.

– Вот здорово! Я не против. В таком положении мне легко тебя поцеловать и не надо подниматься на цыпочки. Но как же, развалившись у тебя на руках, я буду готовить нам еду, убираться в доме и воспитывать твоих детей? – рассмеялась Дуняша, искушая Азата ямочками на щеках.

– Да-а, – протянул Азат, – этого я не учёл, явно погорячился.

И они одновременно рассмеялись. Но в следующую минуту Дуняша неожиданно сделалась серьёзной:

– То, что мы с тобой вместе, – этого хотел Бог. Я точно это знаю. Я много молилась о тебе и просила у Бога твоей любви, и Он мне её дал. Я не представляю себе жизни без тебя. Знаешь, любимый, я никогда не была так счастлива, как сейчас. Ты смысл моей жизни. Ты моя Окумени.

– О Аллах! Это ещё что такое?

– Окумени? Так православные греки называют живую Вселенную. Для меня ты всё, что есть вокруг и даже внутри меня. Ты живёшь в каждой клеточке моей души и тела. Я никогда не чувствовала себя такой безгранично большой и столь бережённой, как сейчас. Я думаю, что именно так чувствует себя человек, находясь в объятиях Господа Бога.

– Пятница, где ты научилась так красиво говорить?

– Милый мой, если бы у меня было десять языков, то и тогда я не смогла бы тебе рассказать о своей любви. – Дуняша уткнулась носом в его подбородок, закрыла глаза и, вдыхая неповторимый аромат сильного мужчины, неожиданно для себя тихо заплакала.

– Что случилось, жаным? Что-то не так? Почему ты плачешь, Пятница?

– Ничего не случилось. Всё хорошо. Я от счастья плачу. Любовь проникла в мою душу, и я отдала ей свою свободу. Я твоя. Я только твоя и всегда буду только твоей до конца своей жизни, обещаю.

– И я даю тебе слово, что буду только твоим и буду защищать тебя от чего угодно, кроме своей собственной смерти.

Азат своей огромной ладонью погладил Дуняше лицо и поцеловал в лоб. Так в детстве делала его мать. О чём-то задумавшись, тихо запел:

– Былдырлаган тіліңнен, (Твой сладкий лепет)

Айналайын бөпешім. (Милый мой мальши)

Таптым, бақыт өзіңнен, (Ты – моё счастье)

Ұйықтай ғой, енді көкешім. (Спи, засытай, мальши)

Дуняша слушала эту колыбельную песню как рапсодию, и, не понимая слов, всем своим существом ощущала теплоту и пронзительную нежность, на которую был способен этот большой и невероятно ласковый мужчина. Она чувствовала себя абсолютно защищённой, как маленький ребёнок на руках своей матери, и так же, как маленький ребёнок, Дуняша уснула, уткнувшись носом в плечо Азата. Это был кратковременный, но глубокий сон, со сновидением.

Она видела небольшую речку, разделяющую землю на две половинки – лес и степь. На степной части – скифский рукотворный курган. На кургане горит невероятно больших размеров костёр. Из кострища вырываются наружу языки пламени высотой с каланчу, которые сопровождаются огненными брызгами, разлетающимися далеко за пределы кургана. Несмотря на постоянный шум, напоминающий шум горной реки, это зрелище завораживало. Вдруг кострище как будто выплюнуло из своего чрева огромный огненный шар, который крутился вокруг своей оси то по часовой стрелке, то против. При этом шар постоянно менял свою форму от эллипсообразной до круглой. И вот на секунду замер и взорвался изнутри, разлетаясь маленькими огоньками в разные стороны. Из него, словно птенец из яйца, выпорхнула золотисто-алая птица Феникс. Она, красавица, расправила огненные крылья и сказала мужским голосом: «О, дружок, так ты уснула у меня». Дуняша тут же забыла свой сон. Так бывает всегда, когда будят спящих детей, не давая им насладиться пребыванием в другой реальности. Дуняша сладко потянулась:

– Ты не устал меня носить?

– Ничего, своя ноша не тянет.

И они одновременно засмеялись. Будучи вместе, они постоянно смеялись без всякого повода, словно беспечные дети. Впрочем, так ведут себя все влюблённые пары на свете. Так

было и так будет всегда и везде, где есть настоящая любовь. Бог милостив, он их услышал и сделает всё возможное, чтобы эти молодые люди исполнили данные друг другу обещания «любить друг друга до конца своей жизни», даже если для этого Богу придётся сократить сроки их пребывания на земле.

Отец Азата, Алтынбек Бейсеналин, когда-то был зажиточным скотоводом. Достигнув преклонного возраста, он поручил своим ближайшим родственникам управлять своей собственностью, оставив за собой право «казнить и миловать». Помимо несметного количества голов всякого скота, он имел шесть жён, что, впрочем, было вполнине меньше, чем завещал мусульманам пророк Мухаммед, да благословит его Аллах и приветствует. От этих жён было восемнадцать выживших детей, из них, слава Аллаху, десять сыновей. В наследство от своего отца Алтынбеку достались обширные родовые пастбища плодородного Семиречья. Но все его богатства уже в прошлом. Последние годы российские власти стали всё больше и больше направлять в Семиречье на постоянное жительство русских крестьян и казаков из голодных районов страны, разрешая им обустраивать свои деревни и станицы на пастбищных землях, ранее принадлежавших казахам. Ублажая местных чиновников-мздоимцев, Алтынбеку пока удавалось уберечь большую часть своей земли от непрошенных гостей. Однако кроме законных переселенцев в Семиречье прибывали так называемые ходоки – крестьяне, самовольно решившие перебраться на жительство в сытый Туркестан. Они без всякого спроса захватывали землю в местах постоянных зимовок кочевников. Семьи ходоков объединялись в небольшие группы и успевали в период отсутствия хозяина-кочевника, за одно лето, построить себе жильё, а иногда и православную часовню – как оберег. Поздней осенью, возвращаясь с летних пастбищ, казахская семья могла обнаружить, что на её законной земле уже стоит русская деревня. Это было несправедливо, но местная коррумпированная власть, кстати, наполовину состоящая из этнических казахов, с этим мирилась, а может быть, даже поощряла, и бороться с этим никто не мог. Казахи во всех своих бедах винили прежде всего русских. Так между казахами и русскими пробежали первые чёрные кошки.

В августе 1914 года в далёкой Европе началась мировая война, в которую была вовлечена и Россия. Алтынбек считал, что любая война – это война денег, у кого их больше, тот и побеждает. Начавшаяся война требовала от России её ресурсы: финансовые, материальные, человеческие. Русский царь одновременно увеличил налоги в Туркестанском крае в четыре раза, а отдельные из них даже в десять раз. Был введён специальный военный налог и десять новых сборов и пошлин. Казахи к такому повороту не были готовы, и жизнь в Семиречье ухудшалась день ото дня. Ещё в начале пятнадцатого года степные шаманы предрекали казахам неожиданный голод. Алтынбек привык доверять шаманам, они умели общаться с духами потустороннего мира, где нет границы между вчера, сегодня и завтра. Он решил не ждать, когда наступит это «завтра», и приказал своим сыновьям вместе с их семьями и большей частью скота откочевать в Китай, в степи Алтышахара (так казахи называют Кашгарию), в район компактного проживания их соплеменников. Сам Алтынбек пока оставался дома, в надежде сохранить за своим родом полученные от отца земли. Не мог же он, в самом деле, забрать с собой в Китай эту родовую землю вместе с могилами своих предков. С ним остались: два старших сына с семьями и младший сын Азат со своей матерью.

Война разгоралась, и под лозунгом: «Всё для нужд фронта!» начались поборы денег, массовое изъятие скота, одежды, юрт и продовольствия. Потом мобилизовали все телеги и повозки для доставки хлеба на железнодорожные станции. Многие казахские семьи практически оставались без материальных средств существования и перспектив выжить. Кроме того, казахов заставляли батрачить на полевых работах в тех русских семьях, в которых мужчин призвали на фронт. Для казахов это требование властей было унижительным. Зная об этом и опасаясь межнационального конфликта, власть вооружала русских переселенцев, чем ещё больше настраивала местное население против себя. В своё время зажиточные казахи, потомственные Чинги-

зиды поколения отца Алтынбека, неоднократно предлагали российскому самодержцу даровать им дворянство, что позволило бы придать казахскому обществу свойства саморегулирования, но Помазанник Божий игнорировал эти обращения. Сам Алтынбек вместе с другими авторитетными казахами предлагал Туркестанскому генерал-губернатору создать местное кавалерийское подразделение и приравнять его в правах и привилегиях к казачьим дивизиям, что со временем создало бы национальную военную элиту, преданную в своей присяге русскому царю, но близорукий и заносчивый Санкт-Петербург с этим не согласился. Казахи поняли, что русский царь им не доверяет, и сами, в свою очередь, перестали доверять царю.

Обычно Алтынбек не помнил, какая из жён родила ему того или иного сына, – для отца это не имело большого значения. Но этого мальчика Алтынбек не просто выделял среди других, но даже, кажется, любил, хотя и всячески скрывал это. Причиной такого отношения была его шевелюра. Азат был кудряв, как арабский пудель. Пожалуй, это был единственный случай за всю историю кипчакского рода. Как невозможен ребёнок-блондин от родителей сенегальского племени волоф, так невозможен раскудря-кудрявый кипчак. У казахов принято брить голову мальчику на сороковой день после рождения. В былые времена голову брили регулярно, до самой старости, так и не давая волосу отрасти. К счастью, современные казахи не придерживаются этой традиции, поэтому нетипичную кудрявость Азата всё же обнаружили, но только на девятую его весну. Глава семейства провёл внутривидовое расследование до седьмого колена и не нашёл в своём роду подтверждения версии о вмешательстве чужеродной крови. Но дыма без огня не бывает, какая-нибудь прабабка всё же охомутила чистокровного арабского скакуна, а проявился этот эпизод только сейчас, спустя много поколений. Когда в ресторане Азат говорил Дуняше, что может легко жениться и народить детей, он не лукавил, потому что, несмотря на свой возраст, уже имел сексуальный опыт и даже заработал похвалу от первой в своей жизни женщины. Согласно старинной казахской традиции, по наступлении у мальчика детородного возраста жена старшего брата (женге) должна обучить будущего джигита премудростям обращения с женщиной. Азат оказался способным учеником. Более того, он, кажется, влюбился в эту женщину, что вполне ожидаемо в его возрасте. Но самое печальное то, что женге тоже «поплыла», что совершенно недопустимо. Надвигающуюся беду почувствовала мать главы семейства. Старуха дала своей невестке запоздалую взбучку, поскольку та всё же умудрилась забеременеть от Азата. Разумеется, ни Азат, ни кто-либо другой не знали об этом недоразумении. Своему мужу о происхождении беременности «трудолюбивая учительница» не сказала, потому что инцест у казахов есть величайший грех. За такое преступление полагается смерть или изгнание из рода. По степному закону мужчина не имеет права брать в жёны родственницу по отцовской линии ближе седьмого колена.

Азат вошёл в юрту отца, как и было велено, тотчас после его пробуждения от послеобеденного сна. Не глядя на вошедшего сына, отец продолжал вытирать влажной салфеткой своё лицо и руки. Келин – жена среднего сына, молча налила тестю кумыс и села на корточки у него за спиной. Сделав первый глоток, отец исподлобья взглянул на сына:

– Твоя мать сказала мне, что ты надумал жениться. Почему?

– Я влюбился, отец, и не могу без неё жить.

– Влюбился? Это самая глупая причина, чтобы жениться. Женилка выросла? Ты что, не знаешь, кто в семье определяет, пора тебе жениться или нет и на ком жениться? Это правда, что она дочь русского попа?

– Да, правда.

– Хочешь свинину покушать?

– Нет, не хочу. Но если она меня попросит, я буду есть свинину. Пока меня никто не заставлял.

– Перестанешь делать намаз. Будешь молиться картинке в церкви.

– Я как делал намаз, так и буду делать. Но если моей жене это не понравится, я перестану делать намаз. Пока это никому не мешало. А в церковь меня никто не зовёт. Я девушку люблю и уважаю её веру, а она любит меня и мою веру уважает. Что здесь плохого?

– А твои дети?

– Мои дети сами определяют, куда им идти – в мечеть или в церковь. Я приму их решение.

– Ты не боишься совершить величайший грех – потерять свой род?

– Я не допущу этого. Моя будущая жена даже не пытается отнять меня от нашего рода.

– Она кафир.

– Зря вы так её называете, отец. Она не язычник, она верует в единого Бога.

– Дочь гяура не войдёт невесткой в мой дом.

– Пусть она войдёт в мой дом, отец.

– За верблюдом каравана не видишь. Разве твоя мать не повторяла тебе завет пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует: «Довольство родителей – это довольство Аллаха, а гнев родителей – это гнев Аллаха». Ты забыл, что ты мой младший сын?

– Я не забыл, отец. Прикажите, и ваши жёны родят ещё сыновей.

– Ты вздумал мне дерзить, щенок. Пошёл вон с глаз моих!

Азат не хотел перечить своему отцу. Он был младшим сыном, а по древней казахской традиции младший сын обязан жить со своими родителями, чтобы обеспечить им благополучную старость и достойные похороны. Нарушение этого закона ложится позором на весь род.

– Я пришёл просить бата беру¹⁰, отец.

– Я подумаю, а сейчас пошёл прочь. – Алтынбек качнул изумрудом правого мизинца – знак келин «удалиться», и остался наедине со своими мыслями. Поглаживая кипчакскую тамгу на бирюзе своего широкого перстня, он пробурчал:

– Почти три года идёт германская война, и конца-краю не видно. Видать, там, в Петрограде, не всё гладко. Царь издал указ, чтобы всех молодых мусульман забрать на строительство военных укреплений на русско-германской границе. Где она, эта граница, один Аллах знает. А здесь без молодых мужчин кто хозяйство вести будет? Почти сто тысяч здоровых мужчин-казахов оторвали от их семей и увезли невесть куда на границу. Чем заменить сто тысяч пар рабочих рук? Вот и взбунтовались. Однако против силы не попрёшь. Русская армия пришла карать бунтовщиков и жестоко покарала, залила эту землю мусульманской кровью. Триста тысяч казахов из страха быть убитыми бежали в Китай, целыми аулами кочевали. Только в нашем Семиречье полностью уничтожено девяносто сёл. Всё разорили, дома сожгли, половину народа поубивали. Ещё полгода назад в Семиречье было четырнадцать волостей, сейчас осталось только две! – Алтынбек остановил поток мыслей, чтобы сделать глоток кумыса и почечать камчой себе между лопаток. – Тут ещё младший пришёл со своей женьбой! – Алтынбек на минутку отвлёкся от серьёзных размышлений на эту глупость, но тут же опомнился и продолжил: – Человек от повстанцев приезжал, денег на священный джихад просил. Тоже надо дать, куда деваться. Глупые люди, кто задумал против русского царя идти. С русскими лучше дружить, они бесхитростные, с ними всегда можно договориться. Это вам не китаец или перс, те не заметишь, как проглотят и переварят. Ты поймёшь своё положение и место только утром, оказавшись в ночном горшке. А этот ещё жениться на русской вздумал! – Он вернулся к разговору с сыном. – Что, у нас казашки кончились? Хотя, может быть, это и неплохо, что у меня появится русская родня, так, на всякий случай, мало ли что. Тем более невестка – дочь русского священника. Он в дом генерал-губернатора как к себе домой ходит. Общие внуки пойдут, что плохого. Думаю, наша умма¹¹ меня поймёт правильно. Придётся нарушить степной порядок, заведённый нашими предками, – играть свадьбу 40 дней и 40 ночей. Отправлю этого

¹⁰ Бата беру (каз.) – благословение.

¹¹ Умма (каз.) – религиозная община в исламе.

шала-казаха¹² подальше, чтобы перед глазами не маячил. Слышал, что казахи стали потихоньку возвращаться из Китая домой. Рассказывают, что китайские чиновники как с цепи сорвались: пользуясь беззащитностью беженцев, последний скот у них забирают. Среди казахов в Кашгарии начался голод.

Люди своих малолетних детей в рабство китайцам продают. Один здоровый ребёнок пуд муки стоит. На века позор нам. С другой стороны, умерший от голода ребёнок не лучше. Кочевник по сути своей обязан всеми силами за свою жизнь бороться. Он должен выжить и продлить свой род любой ценой. Время нас рассудит. Умный поймёт, а дураку закон не писан. Много людей тогда погибло, а кто выжил на чужбине, проклинал судьбу за то, что выжил. Вот и потянулись казахи домой, а зря. В Петрограде власть поменялась – и здесь скоро поменяется. Если у нас босяки власть возьмут, первое, что будет, – начнут наше добро меж собой делить. Кочевать надо, пока ещё жареный петух не клюнул. Хорошо, что я своих сыновей заранее, ещё два года назад отправил. Они уже вжились в китайскую жизнь, благо чтобы не забыли свои обычаи, язык и веру.

Сыновья на границе нас встретят и с китайцами по-свойски договорятся, те своих особо не грабят. Всем аулом кочевать будем. Если сейчас двинемся, до первых холодов успеем на новом месте обосноваться. Нынешняя молодёжь стариков слушать не хочет, всё по-своему норовят делать. На русской попадье решил жениться, тьфу, – снова вспомнил Алтынбек разговор с сыном. Потом посмотрел в свою пиалу и строгим голосом позвал невестку:

– Собери мне стариков, разговор будет. И налей мне кумыс. Не следишь за мной, мокрая курица.

По окончании ужина в кругу семьи отец Александр оставил Дуняшу сидеть за столом, чтобы обсудить с ней наедине новость, которую узнал вчера:

– Матушка Варвара сказала мне, что ты просишь нашего благословения на замужество. Это так?

– Да, тятя.

– Ты не хочешь ждать Александра Бритина?

– Я не люблю Бритина. Я люблю другого, его зовут Азат.

– Ты пренебрегла нашим мнением быть женой православного священника.

– Мой избранник мусульманин, тятя.

– Ты хочешь предать Господа нашего Иисуса Христа?

– Нет, батюшка. Я хочу остаться православной христианкой. Но если мой муж меня попросит, я приму ислам. Я люблю мусульманина и хочу быть его женой. Такова воля Божья, и я ничего не могу поделать. Я люблю Азата. Пока от меня не требовалось менять веру.

– Какой веры будут твои дети?

– Они сами выберут себе веру. Перечить не стану. Я это приму, ведь Бог един.

– Вы не можете быть венчаны в православной церкви.

– Я знаю, батюшка.

– Ты пойдёшь с ним в мечеть?

– Наверное, нет. Меня туда не пустят.

– Мусульмане не едят свинину.

– Значит, в моём доме не будет свинины.

– Он будет делать намаз пять раз в день.

– Я буду этому только рада.

– Он приведёт в дом ещё несколько жён.

– Если от этого ему будет хорошо, я соглашусь с этим. Я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы он был здоров и счастлив.

¹² Шала-казак (каз.) – казах-полукровок.

– Фамилию его возьмёшь?

– Да, тятя. Я буду Бейсеналина, у мусульман такие правила.

– И что ты от меня хочешь?

– Проявите христианское милосердие, батюшка, а Господь милостив, Он меня простит.

– Я не припомню, чтобы мы говорили с тобой о важной роли женщины в семье.

– Специально мы не говорили, но матушка хороший мне пример.

– Этого мало. Видишь ли, я считаю, что мужчина и женщина – это две части единого целого. А в Ветхом Завете мужчина и женщина – это две противоположности, враги друг другу. Война между ними идёт вечно и заложена в самой природе двуполого вида всего живого на Земле. Поэтому у женщины особая роль в семейных отношениях. Может быть, это несправедливо, но у неё меньше прав и больше обязанностей. Не знаю, готова ли ты к тем испытаниям, которые тебе предстоит снести. Помни об этом.

– Спасибо, отец, за урок. Я буду стараться быть настоящей женой и добьюсь того, чтобы мы с моим мужем никогда не были врагами, и обещаю, мы станем единым целым. Благословите меня на этот брак Христа ради, отец.

– Я вижу, ты хорошо подготовилась к разговору. Я подумаю, а сейчас ступай.

По обычаям этой семьи всё, что касается детей и домочадцев, глава семьи обсуждает со своей женой – матушкой Варварой, поэтому отец Александр, бросив на дочь печальный взгляд, добавил:

– Позови ко мне матушку.

– Наша Дуняша просит благословения на брак с магометанином, – сказал печальным голосом отец Александр вошедшей матушке Варваре.

– Да, батюшка, я знаю. Но ничего не изменишь. Любовь – это голос Природы. Человек не может и не должен жить без любви. А то, что она полюбила нехристианина, так в этом нет её вины, в том мой недогляд.

– Меня это очень беспокоит. Уж больно молода и беззащитна наша Дуняша. Её душа – цветок мимоза, коснёшься неловко – сгубишь. Она не готова к самостоятельной жизни.

– Всё будет хорошо, батюшка. Дуняша натура цельная. У неё есть строгость в характере, внутренний стержень. К тому же дар Божий. Зазря, что ли, она правнучка моей бабки – прорицательницы Евфросинии, и внучка вашей матушки – известной во всей Московии народной целительницы? Поди, недаром Дуняшу сама матушка Матрона Московская благословила?

– И всё же мне кажется, что она ничего не знает о реальной жизни. Вечно витает в облаках. Живёт в книжном, придуманном ею мире. А время сейчас тревожное. В Европе идёт страшная война, а Россией правит антихрист Гришка Распутин. Русские солдатики тысячами бегут с фронта. В Петрограде власть поменялась. По всей России народное недовольство. Здесь, в Туркестанском крае, магометане шушукаются по углам, косо на православных смотрят и нет надежды на царя-батюшку. Сатанинское время грядёт, а тут любимица-дочь учудила. Упустили мы её, матушка. Голова кругом, что делать – не знаю.

В эту минуту отец Александр глубоко задумался о том, что межрасовые и межнациональные браки у всех народов издревле, и не без оснований, считались непростительным грехом. Известно, что девочки, рождённые от смешанных браков португальцев – колонизаторов полуострова Макао, и местных китайок, часто бывают бесплодны. И девочки-метиски острова Ява, рождённые от голландцев, не способны зачать. Видимо, сама Природа восстаёт против подобных экспериментов людей. Конечно, есть и позитивные примеры, когда плод берёт от родителей лучшие качества. Учёные называют это «эффект гетерозиса». Например, мул – «ребёнок» осла и кобылицы, наследует выносливость осла и силу кобылицы. Такие примеры и среди людей есть, но их немного.

В реальность его вернул голос матушки Варвары:

– О чём сейчас печалиться? Разбивши кувшин, по молоку не плачут. Может, и хорошо, что Дуняша выходит замуж за казаха. Он непьющий, к труду приучен, за ним она как за каменной стеной будет. Ты сам говоришь, время тревожное, а у нас будет родня – магометане. Сейчас надо подумать о том, чем помочь дочери. Давай молодожёнам отдадим тот кругляк сухостоя, который заготовили для нового дома. Пускай они сруб себе поставят.

– Тогда и тёс тоже. В аккурат полный комплект будет.

– Конечно, и тёс. Это новой родне должно понравиться, да и нашим прихожанам. А мы покамест в старом доме поживём.

– Наверное, ты права, матушка, так и сделаем.

Родители молодожёнов прекрасно знали, что межконфессиональные браки в каждом обществе и в каждой религии всегда считались дурным тоном и, как правило, быстро распались. Другими словами, существует риск быть этому браку несчастливым. Именно поэтому отец Дуняши, равно как и отец Азата, не желали брачного союза своих детей. Но в большей степени они не желали людских пересудов на эту тему. В современном обществе, где тленны традиции, не в почёте опыт предков и главенствуют новомодные либеральные взгляды, брак между мусульманином-казахом и православной русской – событие нетривиальное. С одной стороны, этот союз может бросить тень на безусловный авторитет этих двух семей среди некоторой части населения. С другой, если породнятся эти известные семьи, будет полезно как баю Алтынбеку Бейсеналину, так и протоиерею отцу Александру. Поэтому они дали согласие на брак своих детей, не задумываясь над тем, что положили на алтарь своих личных амбиций будущие судьбы любимых чад. Короче говоря, молодых благословили на совместное проживание и регистрацию брака лишь по светским правилам. Никакой свадьбы не будет. Жить молодожёны будут подальше от Форта Верного, в тридцати километрах от Джаркента, на российско-китайской границе, на землях рода кипчаков.

30 марта, в пятницу, после утреннего намаза Азат встретил Дуняшу на их секретной полянке на берегу речки Бутаковки. Ему не терпелось поделиться с будущей невестой решением своего отца:

– Мой отец дал мне бата беру. Он дарит нам новенькую юрту, двух верховых лошадей с полной амуницией, стельную корову, одного жеребёнка, которого мы откормим к декабрю на согым¹³. Ещё пару коз и полсотни баранов. Мои старшие братья в складчину дарят нам бричку с мерином в придачу. Заживём мы с тобой как короли в своей Николаевской.

– Где это?

– Самый край наших земель.

– А говорил, что ты не помещик.

– Я овцевод-кочевник. По нашим законам каждый род имеет свой надел земли. Когда на одном месте кончается корм для животных, мы кочуем в другое место, пока здесь не восстановится трава, и так по кругу. Обычно мы возвращаемся на прежнюю стоянку примерно через три-четыре года. Кочевник, как никто другой, бережно относится к Природе. Когда-то давным-давно эти земли были поделены между родами казахов, и с тех пор мы кочуем внутри своего надела, не мешая жить другим. Заставить нарушить границы чужого надела может только какое-нибудь несчастье, например джут, наводнение, пожар, саранча, или набеги врагов. Если такое случается, тогда собираются старейшины и договариваются, как помочь пострадавшему роду. Таков степной закон. Его тысячи лет никто не нарушал.

– И всё же где эта твоя... то есть наша Николаевская?

– Это далеко. Очень далеко, примерно в тридцати километрах на северо-восток от Джаркента, Аллахом забытая деревня. Дальше этой деревни только Китай. Я был там однажды,

¹³ Согым (каз.) – зимнее угощение кониной.

будучи ещё ребёнком. Помню, что там есть горы и река Хоргос. Ну, что испугалась? Поедешь со мной?

– Я поеду за тобой куда угодно – хоть в Сибирь, хоть в Николаевскую. Я очень люблю тебя, каждую минуту, днём и ночью. Я люблю тебя, забыв обо всём, и мечтаю быть с тобой в твоих снах. Я не просто люблю тебя, я растворена в тебе без остатка. Моего собственного «Я» больше не существует.

– Теперь я понимаю, почему ты всё время говоришь мне «сладкий мой». Ты сама сахарная и меня таким же делаешь. Растворилась, как кусочек сахара в чае. Мужчина должен быть твёрдым и горьковатым, как зёрнышко дикого урюка.

– Поздно, радость моя. Ты уже сладкий.

Прижимаясь друг к другу и осыпая поцелуями, ворковали счастливые влюблённые голубки.

– Ты знаешь, что твой отец подарил нам шикарный лес для строительства дома? – спросил Азат.

– Конечно знаю. Они с матушкой для себя хотели строить новый дом, но отдали нам полный комплект пиломатериалов для пятистенного сруба. Всё до последней досточки, включая дубовую входную дверь. Тятя и бригаду непьющих строителей нанял. Они обещают к октябрю поставить. Я хочу, чтобы у нас была настоящая русская печь и полати. Я буду готовить тебе вкусную еду, а наши дети будут спать на полатах, там им будет тепло. А когда ты будешь совсем стареньким, ты будешь спать на полатах.

– С детьми?

– Нет, к этому времени у всех наших детей будут собственные дома, где-нибудь недалеко.

– Но младший сын будет жить с нами.

– Конечно, сладкий мой! Мы с моими старшими сёстрами уже начали шить для нас постельное бельё. Набиваем гусиным пухом перины и подушки. Собираем кухонную утварь.

– А мои старшие братья обещают помочь мне построить кошары для овец.

– И небольшую баньку.

– И баньку, куда без баньки. Эх, как хорошо мы с тобой заживём.

– Аузы майы¹⁴, – залилась смехом Дуняша, глядя на вытянувшееся лицо Азата.

– Где ты этого нахваталась, душа моя Пятница? – сквозь смех спросил Азат.

– Погоди, то ли ещё будет! – смеялась Дуняша.

Сейчас их могло развеселить всё что угодно, и поэтому они постоянно смеялись в перерывах между поцелуями. Для семиреченских Ромео и Джульетты началась неповторимая пора абсолютного счастья.

Молодые вместе со своим скарбом переехали жить в новенькую юрту, установленную за околицей деревни Николаевской. Недалеко от строящегося дома. Место для строительства Азат выбрал сам. Это был небольшой холм, немного напоминающий скифский курган. Но это не было древнее захоронение, просто одиноко стоящий холм. Азат сказал, что казаху нужен простор и из окон его дома должна открываться кендала¹⁵. В кошары, построенные братьями Азата незадолго до их переезда в Китай, был пригнан скот – дар Бейсеналина-старшего.

Ожидая окончания строительства собственного дома, Азат и Дуняша исследовали окрестности своей деревни. Особенно увлекательными для обоих были походы в Китай. В этом им помогал пятнадцатилетний подросток Ахмет – сын чабана Османова из соседнего аула. Он показал Азату и Дуняше известные только ему одному тайные тропы за границу. Их забавляло пересекать границу двух государств, оставаясь незамеченными как для русских, так и для

¹⁴ Аузы майы (каз.) – твоими устами да мёд пить.

¹⁵ Кендала (каз.) – бескрайний простор.

китайских пограничников. Впрочем, чётко обозначенной границы в этих местах не существовало.

В сентябре к ним в гости на два дня приезжали старшие сёстры Дуняши. Они привезли родительский подарок молодожёнам на новоселье – роскошный современный патефон с галльским петухом на верхней крышке. Этот патефон и пластинки в придачу подарил их батюшке известный немецкий учёный-этнограф Артур Майер, который с научной экспедицией возвращался из Китая в Европу. Учёный сделал вынужденную остановку в Форту Верном в связи с тем, что его китайский проводник и толмач Фухуа (все звали его на русский манер Фома) был на потеху соблазнён местными китайцами к пьянке, но неожиданно для шутников ушёл в беспроектный запой. Лишь через десять дней Фома смог остановиться. А на второй день трезвости у него развился алкогольный психоз. Начались слуховые и зрительные галлюцинации, мучила бессонница, появился беспричинный страх. Его сознание было искажено, что привело к потере ощущения времени и места событий. Сердобольный Майер обратился к местным врачам, которые поставили диагноз: «делириум тременс». В России эту болезнь называют «белая горячка». Врачи промыли Фоме желудок, дали какие-то лекарства, но предупредили, что у больного возможен рецидив. Врач сказал, что в Фому вселился демон и за помощью лучше всего обратиться к отцу Александру.

С этой бедой Артур Майер и пришёл к протоиерею Свято-Вознесенского кафедрального собора. Отец Александр сказал, что церковь, конечно, может принудительно изгнать беса из тела этого отрока, но экзорцизм – это не только молитва, но и другие важные деяния, на что потребуется время, возможно несколько месяцев. Ждать Майер не мог, поэтому попросил оставить несчастного китайца на попечение Русской православной церкви. В знак благодарности он подарил отцу Александру патефон и десяток пластинок с произведениями Бетховена и Баха – другую музыку Майер не слушал. Кстати сказать, позже, долгими зимними вечерами Дуняша и Азат будут слушать музыку Бетховена и Баха, и к весне Дуняша легко отличала одного от другого и даже по памяти нередко мурлыкала отдельные музыкальные фразы. Азат так и не смог услышать в этой какофонии настоящую музыку, «берущую за душу». Вместе с тем они оба будут с благодарностью вспоминать своих родителей, немца Майера и, конечно, принявшего православие трезвенника Фому. А сейчас сёстры Дуняши рассказывали молодожёнам, что ещё в феврале в Петрограде произошла революция и царь отрёкся от престола. Батюшка с матушкой благословили их отъезд вместе с мужьями в столицу, туда, где делается история Великой России. Сёстры поздравили молодых с новой жизнью, пожелали им счастливой судьбы и, поцеловав, уехали навсегда. Дуняша так никогда не узнала, что мужья её сестёр волею судьбы оказались по разные стороны революционной баррикады. Как и сотни тысяч других граждан несчастной России, они бесславно канули в её всеядном чреве, увлекая за собой своих невинных жён.

Очевидно, сама Природа благоволила влюблённой паре: все обещания, данные Азату и Дуняше, были выполнены. 22 октября 1917 года строительные работы завершились. На живописном холме, напоминающем скифский курган, стоял пятистенный красавец-сруб из сухостоя трёхсотлетних тянь-шаньских елей с большим медным коньком на крыше. По казахскому обычаю входная дверь была сделана строго на юг. Все окна в доме были большими. Окно в горнице смотрело на восток, на реку Хоргос и лес за рекой, а окно в спальне было на запад, открывая взору бескрайний степной простор. Недалеко от дома Азат соорудил сосновые сходни к реке и небольшой дебаркадер, чтобы им с Дуняшей было удобно выходить из реки после купания и ещё на тот случай, если у них появится лодка – удобно швартовать. Азат считал эти сходни и дебаркадер самым замечательным творением своей жизни. Живя в собственном раю, вдали от посторонних глаз, они будут часто купаться в реке голышом, словно первородные Адам и Ева. Невинные, свободные и счастливые, слившись с Природой, они будут плавать, плескаться и дурачиться, словно малые дети, наслаждаясь жизнью.

Вот Дуняша вошла в воду чуть выше колен и, заразительно смеясь, плеснула себе на лицо полную пригоршню живительной влаги. Вода двумя ручейками пробежала по щекам, почти не задерживаясь на ямочках. Потом на мгновение ручейки нырнули на ключицы и, обходя набухшие розовые соски, соединились между грудями в единый поток, устремлённый к пупку. Через мгновение ручеек затерялся в манящих каштановых завитках, придающих их владелице ореол природной чистоты и невинности, украшая её Сокровище – источник райского наслаждения. Азат смотрит на этот ручеек не отрывая глаз. Больше всего на свете, каждую минуту, во сне и наяву, он желал быть таким ручейком, прикасаться, ласкать и целовать тело своей возлюбленной. Дуняша поймала его взгляд. Больше всего на свете она хотела бы, чтобы Азат всегда желал этого.

Гуляя по берегу нагишом, утомлённые лучами полуденного солнца, они будут любоваться телами друг друга, потому что это и есть подлинная любовь – неконтролируемый импульс, дар Божий, который невозможно вызвать по заказу, как и отказаться от него. Влюблённые Азат и Дуняша, рассматривая друг друга, будут получать вдохновение своей влюблённости. После того как однажды, занимаясь любовью, им посчастливится одновременно вознестись на её пик, им откроется восхитительный мир высшего эмоционального наслаждения, присущего физической близости мужчины и женщины. Они научатся удовлетворять друг друга, и их любовь перерастёт в такую пылкую животворящую страсть, на которую только способно человеческое существо. Они будут находить всё новые и новые причины своей необоримой страсти.

Это не будет грубая похоть, способная затмить разум молодых людей и развратить их возвышенные души. Это будет трепетное влечение друг к другу, чистая и безгреховная страстность, расцвеченная тонкими чувствами высокой любви. Дуняша будет стогать под магическим взглядом изумрудных глаз Азата. Будет любоваться его смуглой кожей и обворожительной улыбкой, никогда не сходящей с его лица. Играть арабскими кудряшками, полянкой растущими на его груди. Целовать крепкие мускулистые руки с тёплыми и нежными ладонями, от прикосновения которых всякий раз пробегают по её телу волны сладостной неги и сердце бьётся в груди, словно овсянка в тесной клетке. И, конечно, болтать с бритоголовым, розовощёким часовым в стойке смиренно, при этом млеть от его восхитительного мускусного запаха мужской силы. В свою очередь, Азат наконец осознает главную причину создания женщины – её женственность. Он откроет для себя важный признак любовной чувствительности Дуняши – эти милые «ямочки Венеры» в нижней части спины. А как опьяняюще желанно колышется её грудь – «души застывший вздох», как сказала поэт Марина Цветаева. А её соблазнительные бёдра, которые ненарочито дразнят при ходьбе! А губки, способные на головокружительный поцелуй, от которого Азат всегда рискует потерять сознание! А изящные лодыжки и локотки! А ямочки на щеках! А тёплая фланелевая кожа ароматом и цветом парного молока! А глаза, шея, волос, голос! А куда девать её серебряный смех?

«О Аллах всемогущий, чего же ты ждёшь от мужчины, лишённого всего этого чуда, когда ты уже создал такое совершенство, как женщина!»

И Аллах ему ответит одним словом: «Коитус». Врут, что Геракл оплодотворил за ночь сорок девственниц, это слишком много. Моисей в своей Библии определил для евреев десять коитусов в месяц, это слишком мало. Цивилизация кочевников предложила: где угодно, как угодно, когда угодно, с кем угодно и столько, сколько сможешь. Это справедливо. Вот почему великий кочевник Чингисхан оставил от женщин разных стран и национальностей самое многочисленное потомство всех времён и народов. А когда у кочевника Азата только один вождённый объект его страсти – это и есть Счастье. Именно этим можно объяснить их подчас странное поведение. Проходя мимо, они умышленно столкнутся, поглядят или ущипнут друг друга, испытывая физическую потребность беспрестанно прикасаться друг к другу. С утра до

вечера будут петь друг другу неведомо откуда прилетевшую на ум песенку с глупыми словами: «Птичка золотая по лесу идёт, шишки собирает, в сумочку кладёт».

Всё это будет потом, а сейчас строители, пожелав хозяевам всех благ, съехали из Николаевской. Азат прикрепил над входной дубовой дверью тотем их рода – лик Синего Волка «Аль-Бари» – берега кипчаков, прямых потомков Чингисхана.

– Почему именно волк – ваш главный символ? – спросила Дуняша.

– Потому что он смел, бесстрашен и не ест падаль. Потому что волк «женится» лишь однажды и сохраняет верность своей избраннице на всю жизнь. Потому что волк – единственный зверь, который заботится о своих стареющих родителях, и ещё потому что он очень красивый, – отпартовал Азат и пропел перед тотемом нужную суру из Священного Корана.

Следующим утром он соорудил для Дуняши полочку под потолком, в красном углу горницы. Она постелила на полочку кружевную пелену и поставила две намоленные иконы, подаренные Дуняше её родителями. Одна – икона Благовещения Пресвятой Богородицы работы знаменитого иконописца XVII века Фёдора Зубова. Другая – икона Иисуса Христа работы безымянного монаха из Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря. Дуняша закрепила стоячую лампадку, рядом повесила православный крест и прочла соответствующую молитву.

В воскресенье, 28 октября, Бейсеналины скромно отметили новоселье. У молодожёнов началась самостоятельная жизнь. Вскоре выпал первый снег, отрезая их от всего остального мира. Дуняша и Азат заранее договорились, что в эту пору свободное от домашних забот время они посвятят самообразованию. Она будет изучать арабскую вязь казахского языка, а он – постигать премудрости русской кириллицы. Между прочим, уже к весне Дуняша вошла в четырёхпроцентную элиту грамотных казашек, а Азат с похвальным усердием одолел большую часть пути к вершине Эвереста русской грамматики. Они не подозревали, что через двенадцать лет арабскую письменность казахского языка заменят на латиницу, серьёзным изменениям подвергнут русское правописание. Так что, как говорят в народе: вся их работа пошла псу под хвост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.